

м а г и с у м

ЭДМУНД ВЕБЕР

РУНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

е в р а з и я

m a g i c u m

EDMUND WEBER

KLEINE RUNENKUNDE

NORDLAND VERLAG G. m. b. H. / BERLIN 1941

m a g i c u m

ЭДМУНД ВЕБЕР

РУНИЧЕСКОЕ
ИСКУССТВО

Санкт-Петербург 2002

УДК 930
ББК 63.2
В26

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит
Кипрушкина Вадима Альбертовича

Научный редактор: к. и. н. **Хлевов А. А.**

Вебер Э.

В26 Руническое искусство: Пер. с нем. Скопинцевой Е. М. — СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002.- 160 с. ISBN 5-8071-0114-6

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой один из достаточно редких примеров удачного научно-популярного изложения основ рунологии. За шесть десятилетий, прошедших с момента ее первого появления, она не утратила своего значения в качестве вводного курса, знакомящего с историей возникновения рунического письма, этапами развития рунического алфавита, а также с наиболее примечательными памятниками древнегерманской и скандинавской эпиграфики. Книга найдет своего читателя как среди специалистов в области палеографии, филологии и истории письма, так и среди многочисленных любителей истории.

© Скопинцева Е. М., перевод, 2002

© Хлевов А. А., предисловие к
русскому изданию, 2002

© Лосев П. П., обложка, 2002

ISBN 5-8071-0114-6 © Издательская группа «Евразия», 2002

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	6
Предисловие.....	15
О слове «руна».....	18
Пространственные и временные границы распространения рун	24
О футарке	26
О форме рун.....	45
Особенности рунического письма	55
Чтение и толкование рунических надписей.....	64
О трех родах	73
Об именах рун	74
К вопросу о датировке рунических памятников	86
К вопросу о происхождении рунического письма ...	90
О возрасте рунического письма	97
Руны как практическое письмо	102
Руны как священные знаки	108
Руны как носитель энергии	114
О «тайных» рунах	127
О руническом мастере	129
О божестве рунического знания.....	133
Руны и домашнее клеймо.....	137
К вопросу о культурно-историческом значении рунического письма.....	141
Заключение.....	150

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Без сомнения, книги являются одними из наиболее верных индикаторов времени своего создания — поспорить с ними на этом поприще способна, быть может, лишь архитектура. В этом смысле «Руническое искусство» Эдмунда Вебера представляет собой блестящий слепок эпохи, вольно или невольно отражающий всю гамму настроений, веры и опыта немцев, относящуюся к краткому, но чрезвычайно емкому периоду рубежа 30—40-х гг. двадцатого столетия.

1941 год стал годом наивысшего взлета германского Райха, когда подавляющему большинству — как сторонникам правящего режима, так и его противникам — казалось, что противостоять победоносному шествию вермахта и бравых парней из люфтваффе и кригсмарине не сможет ни одна держава. Большая часть Европы вошла в состав гитлеровской империи, были захвачены Балканы, высажен образцово-показательный десант на остров Крит. Двойственность ситуации и надлом обозначали лишь до сих пор непокоренная Британия, да еще неведомая и загадочная Россия. Впрочем, тогда об этом задумывались немногие.

На подъеме германской национальной идеи и появилась предлагаемая читателю книга. Она представляет собой классическое научно-популярное издание — классическое как для жанра и эпохи, так и для германского менталитета в целом. Вебер не покушался на решение «вечных» проблем рунологии, не пытался найти окончательные ответы на те вопросы, которые волновали великих исследователей рун. Его роль в этой книге совершенно иная. Подобно педантичному, но увлекающемуся и знающему школьному учителю — опять же, учителю именно немецкому — Вебер ведет читателя от вопроса к вопросу, не позволяя слишком глубоко увязнуть ни в одном из них, но настойчиво и весьма сжато комментируя для нас и раскрывая те сложности, которые встают перед исследователем. Два образа возникают, когда размышляешь над страницами этой книги: первый — образ экскурсовода в строгом черном костюме, аккуратно показывающего длинной указкой на наиболее интересное из разложенного в витринах большого старинного музея. И второй — образ человека, предлагающего нам взглянуть на рабочий стол исследователя — ненавязчиво, как бы из-за его плеча, пользуясь старой дружбой: Вебер то и дело ссылается на авторитет известных специалистов — впрочем, преимущественно немецких, а не скандинавских.

Стиль писателя представляет собой сочетание строгой научности и своеобразного германского романтизма, уходящего корнями в те самые времена, когда рунология складывалась как самостоятельная научная дисциплина. В силу этого перед нами действительно образчик не только научно-популярного произведения, но и срез определенного пласта этнического самосознания, относящийся к эпохе обостренного интереса к собственным корням и праистокам. К слову сказать, этот патриотический порыв в Германии все-таки реже принимал на себя черты типичной славянской «квасной идеи» — прежде всего, конечно, в силу наличия более адекватного фонда источников.

Катастрофа Первой мировой войны обернулась для немцев, в частности, обостренным осознанием архаического наследия предков. Естественно, из числа древнейших ценностей этноса не могли быть исключены руны, которые и в самом деле являются чрезвычайно оригинальной знаковой системой — во всяком случае, не обнаруживающей себе равноценных аналогий в Европе. Осознаваемые как наследие германцев вообще, но и немцев, как потомков континентальных

изобретателей рун, в особенности, эти символы действительно стали общеупотребимой частью повседневного быта страны в эпоху господства фашистской идеологии. Прошедшие через общества любителей истории и старины, через многочисленные культурные организации, массово возникавшие и в конце XIX, и в начале XX вв., вожди нацистской партии выплеснули руны, бывшие прежде достоянием исследователей или интеллектуалов-любителей, в общественное сознание. Инициативы «сверху» и «снизу» сомкнулись и пришли в резонанс, в результате чего руны действительно стали органической составной частью повседневной жизни немцев, о чем и упоминает Э. Вебер в своем предисловии.

Собственно говоря, руническое искусство никогда не исчезало в германоязычном мире. В период после XIV в. руны полностью вытесняются латинской графикой и оказываются на периферии культурного поля — преимущественно как часть крестьянского быта либо база для криптографических опытов. Но уже с XVI в. древнегерманская знаковая система становится предметом внимания интеллектуалов в Скандинавских странах, а вслед за тем — и в Германии. Так что перерыв в «публичной» жизни рун, если он и был, был все же чрезвычайно кратким. Допустимо даже утверждать, что скандинавы эпохи викингов или периода записи устного наследия (XII—XIV вв.) успели забыть ничуть не меньше из исконного, раннего рунического искусства, чем тот объем знаний, который ускользнул от любителей старины нового времени. Однако кардинальный перелом в рунологии, а вернее, само ее появление как научной дисциплины со всем категориальным и методологическим аппаратом и собственными традициями относится ко второй половине девятнадцатого столетия и связано с именами ряда исследователей, среди которых первым должен быть упомянут, без сомнения, Людвиг Виммер.

Разумеется, в предисловии к научно-популярному изданию, отчетливо обозначающему начало своеобразной издательской программы «Евразии», связанной с представлением вниманию читателей ряда книг, связанных с научной рунологией, неуместно подробно останавливаться на специфической «кухне» исследователей и далеко выходить за пределы намеченного автором информационного поля. Однако некоторые пояснения все же необходимы.

Рунология — весьма консервативная наука. Многие истины не потеряли своего значения и по сей день, поэтому, как ни парадоксально, в сфере собственно научных изысканий этой дисциплины практически нет не только безнадежно, но и просто устаревших книг. Многочисленные исследования, тем более публикации памятников, увидевшие свет еще в середине XIX в., продолжают сохранять свое значение. Именно поэтому предлагаемая читателю книга актуальна и по сей день — в частности, как блестящий пример грамотной популяризации чрезвычайно сложной отрасли научного познания.

Вместе с тем, многое меняется. Так, в частности, со времен Вебера в полтора раза возросло количество известных ученым рунических надписей, что, естественно, не могло не повлиять на их выводы. К примеру, до совсем недавнего времени общеизвестной и непреложной истиной было то, что континентальные германцы не ставили рунических камней — первые камни с руническими надписями относили к рубежу IV в. и единственным регионом их распространения в этот период была Скандинавия. Отдельные находки (Березанский камень) связывались лишь с поздней эпохой викингов. Однако обнаружение в 1997 г. в Крыму рунического камня, датируемого IV в., в корне меняет не только наши представления о германцах Причерноморья, но и ставит под вопрос всю прежнюю стройную систему генезиса и

развития рунической письменности.

Весьма сложный и принципиальный вопрос о месте, времени и обстоятельствах появления футарка, конечно, обрел в последние десятилетия ряд новых вариантов решения. Однако заметим, что практически ни один из них не является качественно новым: все основные версии — автохтонная, «греческая», «римская», «этруско-североиталийская» — были сформулированы еще до Вебера. Представление о них дает блестящая монография Ричарда Л. Морриса «Руническая и Средиземноморская эпиграфика», вышедшая в Оденсе в 1988 г. Меняются акценты, появляются новые источники — по мнению выдающегося рунолога Э. Мольтке, процарапанная на фибуле из Дании, относимой ко II - I вв. до н. э., совокупность штрихов может быть рунической надписью, что сразу удревнит начало «археологической» рунологии не менее чем на два с половиной столетия. Однако вопрос о генезисе рун так окончательно и не решен — как и во времена Э. Вебера.

Словом, предлагаемая читателю книга обладает, среди прочих, неизбежно требуемым достоинством, наличие которого определяет ценность литературы подобного рода — она является не фактом историографического прошлого, но действенным инструментом познания, позволяющим начинающему исследователю окунуться в мир подлинно научного знания о рунах. В условиях очевидного дефицита подобных книг на отечественном рынке и неизбежного заполнения вакуума низкопробными поделками на тему «магии рун» не вызывает сомнения, что данное издание внесет свой вклад в борьбу за обретение истины.

Поскольку книга, как отмечалось выше, является одновременно и «фотографией эпохи», мы не считаем возможным изменять тональность, стилистику и содержание тех пассажей, которые относятся к современным автору реалиям жизни Германии. Их наличие в тексте неотделимо от сложной и многогранной истории жизни замечательного наследия германских народов — рунической письменности.

ПРЕДИСЛОВИЕ

По словам шведского рейхс-антиквара конца XVII в. Олава Верелия, руническое письмо заслуживает «первого места в замечательном наследии наших предков». Не случайно слова эти произнес швед, ибо именно на его родине уже за сто лет до этого возникло научное занятие рунами, которое было связано с существующими в Швеции многочисленными камнями с руническими надписями, а также с живущими в народе воспоминаниями о последних ветвях рунического письма. В Германии, напротив, руны были полностью преданы забвению из-за культурного разрыва, который был обусловлен введением монастырского школьного образования после победы римско-католического христианства и заботой о латино-франкской смешанной культуре при императоре Карле I и его последователях в VIII и IX вв.¹ Дело в том, что руны были настолько глубоко связаны с древнегерманской партиархальной традицией, что римское духовенство в империи франков старалось искоренить любое воспоминание о них.

Из Швеции и Дании в XVII в. исходил импульс, заставивший немцев вновь вспомнить о рунах. Интерес к давно забытому национальному наследию охватил не только научные круги, но и широкие слои общества. Но, в то время как ученые в тиши кабинетов старались разгадать многочисленные загадки, связанные с рунами, а результаты их исследований до захвата власти национал-социалистическим движением становились достоянием широкой публики исключительно через посредство тесного круга специалистов, осознание немецким народом своих корней и собственных достижений вело все большее число немцев, чувствующих себя единым народом, к попыткам пробудить руны к новой жизни. Так, например, такие общественные организации, как «Перелетные птицы», дали толчок изготовлению украшений, в которых использовались германские священные знаки и руны. Там, где такое использование отрабатывалось стилистически точно, его следовало бы только приветствовать как выражение стремления вновь обрести древнее отеческое наследие.

Отрадным результатом такого обращения к рунам является то, что СС и Гитлерюгенд в качестве отличительного знака избрали себе старшую руну Солнца как символ всепобеждающей силы; что древняя *Odals*-руна выбрана символом верности до смерти; что аптеки используют раннюю *Man*-руну, и что эта руна во всевозрастающем объеме употребляется в качестве символа человеческой жизни при регистрации рождения, как и ее перевернутое изображение — при регистрации смерти².

Чем глубже немецкий народ проникается интересом к рунам, тем больше становится число тех, кто причастен к вопросам, связанным с научной рунологией. Хотелось бы, чтобы этой потребности послужило предлагаемое маленькое исследование о рунах.

Берлин-Шпандау, в Остермонде 1941 г. Эдмунд Вебер

О СЛОВЕ «РУНА»

Руны найдешь
и постигнешь знаки,
сильнейшие знаки,
крепчайшие знаки,
Хрофт их окрасил,
а создали боги
и Один их вырезал.
(Речи Высокого, 142)

От глагола *raunen* (шептать, нашептывать) на здравомыслящего человека нашего века техники веет таинственностью. Похожее чувство вызывает и слово «руны», которым обозначаются почтенного возраста письменные знаки наших германских предков. В народном восприятии эти знаки окружены чем-то особенным, чем-то захватывающим. Так было уже в древней Германии. Дело в том, что германское имя существительное «*runa*», исторически связанное с «*raunen*» и «*Rune*» (руна), выступает в появившемся в VI в. н. э. готском переводе Библии в значении «тайна». В Евангелии от Марка, 4, 11 сказано: «Вам дано знать тайну (*runa*) Царствия Божия». В *run* = «таинственность», «тайный совет» и в *runa-wita* = «тайный советчик» древнеанглийской песни «Беовульф» (около 700 г. н. э.), в *runa* = «доверяю» или «тайное совещание» древнесаксонской песни «Хелианд» (около 830 г. н. э.), а также в древневерхненемецком *giruni* = «тайна» так или иначе содержится смысл слова «тайна». В величественной эддической песни «Прорицание вельвы» говорится: «[Встречаются асы и] ...вспоминают о славных событиях и рунах древних великого бога (*Fimbultýs fornar rúnar*)» (Прорицание вельвы, 60), где под *rúnar* подразумевается таинственная мудрость Одина.

Но, наряду с этим, одновременно со значением слова *runa*, приведенным готской библией, в Скандинавии встречается второе значение этого слова. На установленном в IV в. н. э. камне из Эйнанга в Норвегии написаны рунами слова: «...*dagastiz runo faihido*». Предварительное толкование, относящееся к 1938 г., гласит: «[Я Гу]-дагастис окрасил руны». Здесь «*rúno*», очевидно, означает «письменные знаки». Во франкском государстве Меровингов во второй половине VI в. н. э. епископ из Пуатье Венанций Фортунат шутливо предостерегал нерадивого в письме друга латинским дистихом:

*Barbara fraxineis pingatur runa tabellis
Quodque papyrus agit, virgula plana valet.*

В вольном переводе это двустишие может быть передано так:

*Уверенно рисуй франкские руны на ясеновой дощечке!
Если тебе не хватает бумаги, послужит оструганная палочка.*

Здесь слово *runa* тоже, несомненно, означает германские письменные знаки.

Объективно употребление рун в качестве букв в Рейнской области во времена сочинявшего латинские стихи епископа подтверждается серебряной застежкой-фибулой, которая была извлечена в 1873 г. из женского захоронения во Фрайлауберсхайме возле Кройцнаха, датируемой, с большой долей вероятности, VI в. и находящейся ныне в Центральном музее Майнца. На обратной стороне

пластинки имеется двустрочная надпись, верхняя строчка которой читается: «*Boso wraet* runa*» и истолковывается так: «Бозо начертал руну». Единственное число слова руна при этом следует отнести ко всей надписи.

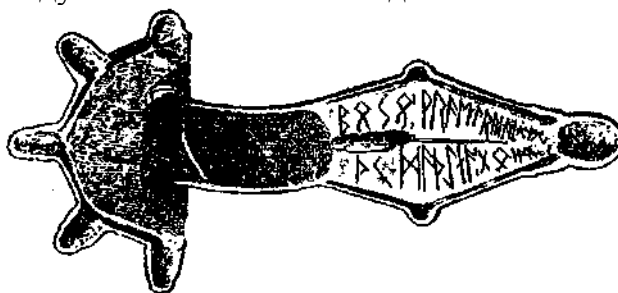

Рис. 1. Фибула из Фрайлауберсхайма

Согласно господствующей точке зрения, содержание термина, подразумевающее прежде всего письменный знак, выросло из значения «тайна»³. Кроме того, вслед за Мюлленхоффом в руне видели и видят «таинственный, нуждающийся в истолковании знак». Считают, что изменение значения шло через знаки, в которых наши предки, согласно 10 главе «Германии» Тацита, нуждались при бросании жребия. Так как начальный звук полного названия руны на жребии служил нахождению соответствующего стихотворного изречения, знаки могли сами развиваться в буквы, обозначающие звуки, и использоваться для передачи сообщений. Тот факт, что рунические письмена могли пройти этот путь, исследователи рун раннего времени допускают, исходя из возможности заключить, что древнеирландское слово «*ruin*» обнаруживает только значение «тайна». С точки зрения истории языка следует все-таки обдумать, не могли ли готское *runa* (тайна) и скандинавское *runo* (буква) произойти от двух различных слов: это было бы вполне допустимо**.

Но есть еще и другая возможность. Если до сих пор исследователи пытались в общих чертах от понятия «тайна» через изречение на жребии добраться до понятия «буква», то можно было бы и наоборот — от понятия вырубленного знака через изречение на жребии прийти к понятию «тайна»***. Уже в XVII в. датский ученый Оле Ворм хотел объяснить слово «руна» (письменный знак) скандинавским «*run*» (борозда, морщина, надрез). Таким же образом основатель научной рунологии в Германии Вильгельм Карл Гримм в 1821 г. обдумывал, могли первоначальный смысл слова «руна» появиться из слов «надрез» или «насечка». Он указывал при этом на древнегреческий глагол *graphein*, означающий «писать», древний смысл которого был «делать насечки [зарубки]»; определенные аналогии вызывает в этом контексте немецкое слово «*kerben*». В самом деле, до сих пор в восточно-фризском языке существует глагол «*runen*», который имеет смысл «резать» (еще до сегодняшнего дня он употребляется также и в липштадтском диалекте)****. Имеет значение и тот факт, что в нижненемецкой языковой области и в Швабии существует слово «*der Raun (Raune)*», которое обозначает кастрированного жеребца (мерина).

В своей сегодняшней фонетической форме слово «руна» представляет собой заимствование из скандинавского. В XVII в., после появления научных изысканий в области рунческой эпиграфики в Швеции и Дании, термин был введен в употребление и в немецком научном языке. Как показывают имена

* Произносится: *wrait*. Сравни *Caesar – Kaiser*.

** Сообщение проф. д-ра Артура Хюбнера в Берлине.

*** Мнение проф. д-ра Карла Хелмса из Марбурга-на-Лане.

**** Сообщение д-ра А. Майер-Бекеса в Детмолде.

существительные «*der Alraun*» и «*die Alraune*» (мандрагора, волшебный корень), а также глагол «*raunen*», древненемецкая форма *runa* при беспрепятственном дальнейшем развитии превратилась бы в «*Raune*». Причина того, что так не случилось, заключается в упомянутом выше искоренении немецких рун средневековой церковью.

Определенная неуверенность, присущая объяснению происхождения слова «руна», свойственна и вопросу истолкования его объективного содержания. Рунология долго относила названия рун исключительно к письменным знакам рунических памятников и видела в них только обозначение звуков. Лишь с начала XX в. некоторым исследователям стало ясно, что наряду с рунами, несомненно являющимися буквами, подобные рунам знаки встречаются в большом числе на находках из области распространения древнегерманской материальной культуры: например, на погребальных урнах и оружии. Подобные символы следует понимать не как знак, обозначающий звук, или как простой декоративный элемент, а как *Odals-руны* — вероятнее всего, как идеограммы. Подавляющее большинство скандинавских и немецких специалистов по рунам пока еще отказываются трактовать эти знаки как письма и признавать их рунами.

РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУН

Германцы не оставили после себя научных исследований о своей письменности. То, что к настоящему времени известно о руническом письме, основывается главным образом на изучении предметов, на которых изображены руны.

Область распространения рунических памятников простирается с востока на запад от Волыни до Ирландского моря и с юга на север от Герцеговины до Гренландии⁴. Памятники датируются промежутком времени, по меньшей мере, в тринадцать столетий. Число рунических памятников в археологическом материале приближается к четырем тысячам и, к счастью, продолжает увеличиваться благодаря новым находкам, которыми мы обязаны возросшему вниманию к рунам⁵.

Очень неодинаково количество находок из мест обитания различных германских племен. К настоящему времени насчитывается свыше сорока находок из континентальных областей Германии — главным образом из погребений и искусственно насыпанных жилых холмов⁶ на побережье Северного моря, которые в Голландии называются *Terpen*, а на побережье Северной Германии — *Warfen* или *Wurten*. Немало предметов извлечено из болот, в которых они некогда были утоплены — вероятно, в качестве священного дара богам. В Англии насчитывается также свыше сорока находок, на острове Мэн в Ирландском море — двадцать семь, в Норвегии — около трехсот шестидесяти, в старой Дании⁷ — примерно двести, в Швеции же — свыше двух тысяч пятисот, о других областях находок умолчим.

Древнейшие памятники, найденные на древненемецкой территории, — это такие предметы, как части оружия, украшения, инструменты различного рода, обереги (амулеты) и т. д.; здесь до сих пор не найдено ни одного камня с изображением рун. Рунические свидетельства германского севера, напротив, по большей части состоят из таких камней.

Древнегреческий буквенный ряд по первым двум буквам был назван алфавитом (*Alphabet*), а латинский — по трем первым — абц (*Abc*). В соответствии с этим принципом германскому буквенному ряду по первым шести знакам дано название «футарк» (*Futhark*), потому что он начинается с *f-u-th-a-r-k*. Хотя футарк начинается с *f* и, таким образом, слово «алфавит» фактически к нему не подходит, оно все-таки обычно применяется по отношению к нему в научном обиходе⁸.

В то время как греческий и латинский ряды сохранились как очень постоянные структуры в течение столетий, футарк проявил способность к изменению. В течение тысячелетий возник целый ряд футарков. Может быть, в этом отражаются также основные черты германского характера, которому присуще не так много упорства при однократном достижении цели, как при дальнейшем творческом развитии своих достижений. Древнейшим немецким рядом букв является *общегерманский футарк*.

Он получил свое название оттого, что рунические надписи, сделанные с его помощью, появляются в общегерманской области и в общегерманский исторический период — между 200—700 гг. н. э.

Рис. 2. Общегерманский рунический ряд

Общегерманский рунический ряд состоит из 24 букв, последовательность которых получена из северо- и южногерманских так называемых алфавитных надписей на металлических предметах и камнях, а также из рукописей.

Образцами подобных находок могут служить такие предметы, как камень из Кюльвера (Готланд) начала V в.; носившиеся как амулеты золотые штампованные брактеаты из Вадстены и Грумпана (оба в Швеции) VI в.; найденная близ Шарнэ в Бургундии, вероятно, алеманнская или франкская застёжка-фибула конца VI или начала VII в., а также обнаруженная близ Брезы в Боснии каменная полуколонна VI столетия.

Рис. 3. Камень из Кюльвера

Ни один из этих памятников не содержит полного футарка. На камне из Кюльвера первую букву следует дополнить добавочными штрихами; на брактеате из Вадстены знак *D* в конце закрыт петлей (ушком); на амулете из Грумпана отсутствуют пятнадцатая и шестнадцатая руны, кроме того, третий от конца и предпоследний знаки вверху повреждены; на фибуле из Шарнэ в конце надписи отсутствуют три последние руны, а на колонне из Брезы руна *L* повреждена и точно так же отсутствуют три последних знака.

Рис. 4. Брактеат из Вадстены

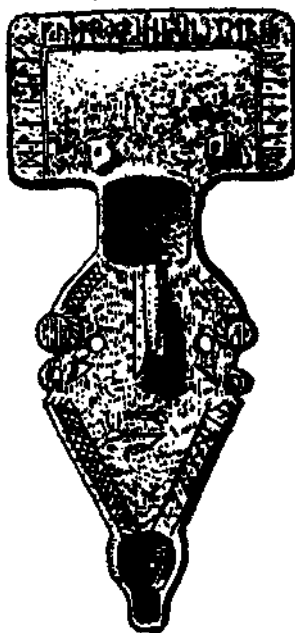

Рис. 5. Фибула из Шарнэ

Памятники, содержащие футарк, хотя и позволяют понять значительную общность традиций, но наряду с этим обнаруживают, кроме указанных пробелов и повреждений, некоторые расхождения в формах и последовательности отдельных букв. Эти расхождения могли быть обусловлены племенными различиями или стремлением резчика к более легкому изготовлению рунических надписей путем упрощения трудных знаков. При этих обстоятельствах следует рассматривать приведенный на рис. 2 футарк как созданный с учетом древнейших форм образец, определяемый временем своего создания.

Заслуживает внимания тот факт, что, по предположению шведского языковеда С. Агрелла, именно функциональное предназначение древнейшего памятника такого рода, камня из Кюльвера, могло обусловить определенные видоизменения алфавита.

В общегерманском футарке бросается в глаза то, что руны для *k*, *fig*, и *j* имеют меньшие размеры, чем остальные знаки. Правда, в отношении *j* это касается только древнейших форм

Шестнадцать из двадцати четырех (ᚾ, ᚿ) рун обозначают согласные звуки, шесть — гласные и две (*j*, *w*) — полугласные. Английский язык, как известно, полугласное звучание *w* сохранил до наших дней.

Третья руна при передаче рунических надписей буквами нашего современного письма описывается через *th* согласно английскому употреблению букв; она обозначает германский зубной, или фриктивный, звук. Английский язык

сохранил его до сих пор; в немецком же после 600 г. н. э. он постепенно превратился в *d*. Поэтому в XIX в. некоторые германские исследователи говорили о «фударке», но это приведение в соответствие с немецким произношением не прижилось. Шестнадцатая руна ᚱ согласно принятой в науке традиции описывается как *R*; однако первоначально она обозначала звонкий звук *s* (*Sage, Rose*), который позже на германском Севере превратился в промежуточный между *s* и *r* звук и окончательно стал чистым *R*. Звонкий звук *s*, кроме того, обозначается в фонетической транскрипции через *z*.

Еще не совсем точно установлено звуковое значение тринадцатой руны ᚳ (ᚳ), которая описывается как *e*. Предполагается, что речь могла бы идти об узком *E*, приближающемся к *i*. Обращает на себя внимание наличие знака для носового звука *ng* (*Angel, Engel*) и особых знаков для полугласных *j* и *w*. Этих букв не было в латинском алфавите: *W* была вставлена в него после принятия немецкими переписчиками римской последовательности букв лишь существенно позже, а *J* — только в совсем недавнее время; отдельный знак для *ng* пропал у нас лишь сейчас. Наличие этих трех рун свидетельствует о том, как тонко было развито чувство звука создателя футарка и как полно руническое письмо соответствовало германскому звукоряду в противоположность употреблявшимся духовенством латинским буквам, принятым при обращении в христианство, введение которых с точки зрения письма означало шаг назад⁹.

Какие возможности для дальнейшего развития были заложены в общегерманском футарке, демонстрируют древнеанглийские рунические ряды. Путем видоизменения старых знаков (так называемые «формы-отпрыски [ответвления]»), количество букв возросло сначала до 28, а потом даже до 33 букв. Так, старому ᚠ (*a*) были приданы формы ᚦ и ᚧ , чтобы была возможность обозначить звуки *a*, *ā* и открытое *o*.

В качестве примеров, подтверждающих завершение оформления этих рядов, можно привести извлеченный из Темзы боевой нож-скрамасакс, так называемый «скрамасакс из Темзы», на лезвии которого рунический ряд изготовлен путем инкрустации серебряной проволокой и который датируется VIII в., а также немецкие и английские рукописи X и XI вв. Здесь древнее *A* на четвертом месте стало открытым *O*, так что следовало бы вести речь о *футорке*.

Рис. 6. Скрамасакс из Темзы

Рис. 7. Англосаксонский рунический ряд

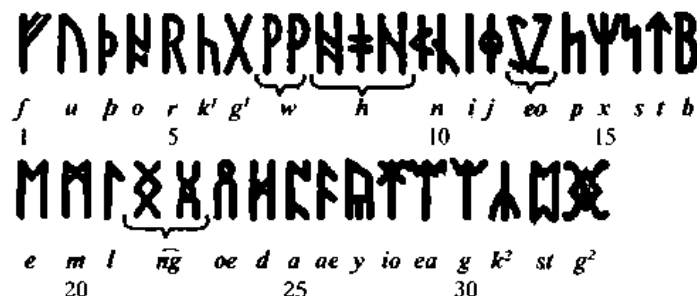

Рис. 8. Ранний древнеанглийский ряд

Основания для этого расширения лежали в фонетических преобразованиях языка. Однако они были актуальны не только на английской земле, но могли существовать и на материке, в области распространения англо-фризского языка¹⁰. Прямо противоположен древнеанглийскому обогащению ряда из двадцати четырех рун процесс, который шел в скандинавских странах. Там по окончании общегерманского периода около 700 г. н. э. отказались от дальнейшего увеличения числа букв старого футарка. Так дело пришло к сокращению рунического ряда. Результатом этого постепенного преобразования был ряд, состоявший только из шестнадцати рун. Он был назван *скандинавским футо-ком*, или *датским руническим рядом*.

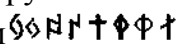

Рис. 9. Скандинавский рунический ряд

Выражать все звуки древних скандинавских языков шестнадцатью буквами было возможно только при значительном отказе от фонетической точности. Для обозначения звуков *u*, *ü* и *o* довольствовались руной *u*, для *i*, *e*, *j* — руной *i*, для *a* и *ä* — руной *a*, для *k*, *g*, *ng* — руной *k*, для *t* и *d* — руной *t*, для *b* и *p* — руной *b*, для *th* (глухой зубной звук) и *dh* (звонкий зубной звук) — руной *th*. Для наглядности упадка письменной картины, которая была связана с этим сокращением старого футарка, следует сказать, что слово, обозначающее короля, «*konungR*», должно было писаться так: «*kunukR*»¹¹.

Так как более длинный рунический ряд преобладал по сравнению с более кратким, то часто первый обозначался как «старший», а последний — как «младший».

Мнение науки об отношении обоих рядов друг к другу сильно изменилось. В начале XIX в. предполагали, что краткий футарк был первоначальным и являлся основой длинного, который развился из него подобно тому, как англосаксонский ряд развился из общегерманского футарка. Казалось, что этот взгляд соответствует закону развития от более простого к более совершенному, действие которого так часто можно наблюдать в культурной жизни германского мира. Но более глубокое исследование древнескандинавских языков в нашем столетии показало, что надписи, сделанные длинным футарком, представляют собой первую языковую ступень тех же текстов, начертанных с применением краткого футарка. Дело в том, что слова во всех германских языках со временем сделались короче. В результате мнение переменялось: был сделан вывод о том, что как раз краткий футарк представляет собой обедненный вариант длинного, из которого он образовался путем упрощения. То, что фонетические изменения были одним из стимулов к сокращению длинного

ряда, понятно. Дело в том, что звук *j* в начале слова в скандинавском языке был упразднен и обычно мог быть заменен на *i*; *e* был в праскандинавском редок и оттого особый знак для него не был действительно необходим; была возможна замена *W* согласными *V* или *F*. Но кроме языковых оснований в процессе сокращения имелись еще, конечно, основания технического и художественного рода. Несомненно стремление при развитии различных рунических знаков приводить их к форме, имеющей только один главный ствол, или уравнивать эти знаки с величиной большинства остальных рун. Это стремление наглядно обнаружилось при изменении форм рун для *k*, *j* и *ng*, которые изначально вообще не имели осевого ствола и не достигали обычной величины. Для руны *k* получается следующая картина развития: и для руны *j* ряд форм

Поэтому появилось предположение о том, что старые руны для *g*, *p*, *o* и *d* были отвергнуты, вероятно, потому, что их общегерманские формы противоречили чувству стиля скандинавских резчиков рун: чистокровный германец любит все развивающееся и выдающееся; ведь до руны *s* все без исключения знаки датского футарка также имели лишь одну вертикальную линию. Стремление привести изломанную скандинавскую руну *s* к одноствольной форме появилось в норвежских и сконских надписях: или ; таким образом, левую верхнюю часть руны протянули до самого низа или правую нижнюю часть продлили до верха. Датский рунический ряд распространился на Норвегию и Швецию и стал соперничать с обычными там норвежско-шведскими знаками. В Швеции он получил такое распространение, что свыше двух тысяч памятников созданы именно с его помощью. В Норвегии удержались некоторые особые формы, как, например, для *S* , которые использовались также в Исландии.

Упрощение, напоминающее о стенографии нового времени, демонстрирует относимый к XI в. ряд знаков, который обычно называют по шведской местности Хельсингеланд хельсингскими рунами. Их отличительной особенностью является то, что в них отказались от большинства вертикальных линий, а оставшиеся укорочены.

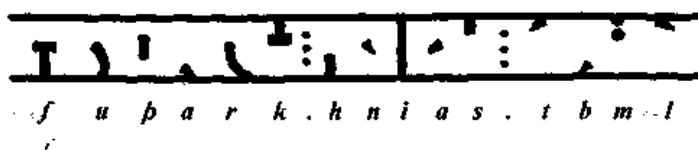

Рис. 10. Хельсингские руны

Несовершенство обозначения звуков в датском футарке было осознано самими датчанами благодаря их многочисленным военным и торговым походам в Англию в течение X столетия. Едва ли могло быть случайным, что в Скандинавии с конца X в. начали принимать меры против терпимой до сих пор недостаточности шестнадцатизначного ряда путем введения «пунктированных рун». В скандинавских странах эти обозначаемые пунктиром буквы называются также «колотыми» рунами. Вероятно, это исправление было стимулировано древнеанглийскими знаками для *ū* — или (рис. 7). Так, на найденном в 1857 г. у Бисдорфа под Шлезвигом, недалеко от заброшенного и обнаруженного лишь в начале XX в. торгового места викингов Хайтабу (которое у местных крестьян называется «Ольденбург»), руническом камне — камне, вновь установленном затем на свое первоначальное место, — встречается по одной пунктированной руне *i* — , как и руне *k* — со звуковым значением *e* и *g*.

Чтобы получить представление о том, что же сообщают рунические надписи

на камнях, исследователь должен владеть древними скандинавскими языками в их историческом развитии. В результате он должен прежде всего дословно воспроизвести рунический текст, затем определить его древнедатское соответствие и уже затем — его современный перевод. Прodelаем и мы этот путь. При этом пусть концы строчек на камне будут обозначены через //, зубной звук — через *th* и обе пунктированные руны — разрядкой: *suin:kunukR:sati//stin//uftiR:skartha//sin:himthiga.ias:uas//farin:uestR:ian:nu//* (на кромке камня) *uarth:tauthR:at:hitha:bu//*. Древнедатская форма гласит: «*Swénn konungR satt stén öftiR Skardha sinn hemthega, es was farinn westr, en nu wardh dödh at Hédhabý*». Немецкий перевод дает следующее: «Конунг Свейн водрузил этот камень для Скарде, своего хаймдегена*, который уехал на запад и теперь убит при Хедебю**».

В надписи особо выделяется то, что Скарде совершал поход на запад в Англию вместе со своим царственным господином.

Несколько позже появляется пунктированная руна *u* с фонетическим значением *ü* (*y*). Затем пунктирование охватывает руны *t* и *b* и таким образом создаются знаки для обозначения *d* и *p* (𐌦 𐌧 𐌨).

Рис. 11. Камень в память Скарде из Шлезвига

Помимо пунктирования краткий рунический ряд расширяется за счет так называемой «расщепленной формы» для гласных *a* и *o* — может быть, под норвежским влиянием. Скандинавская руна *a* с проходящей насквозь косой чертой 𐌆 в XII в. была расщеплена на 𐌆 для *a* и 𐌆 для *d*. Приблизительно в это же время стало обычным расщепление для руны *o*. Еще в XI в. она могла дополняться параллельными косыми чертами, находящимися справа или слева от главной или пересекающими ее: 𐌆 𐌆 𐌆 𐌆; но в XII в. звуку *u* была присвоена форма с проходящими насквозь косыми штрихами.

* Телохранитель (дружинник).

** Датская фонетическая форма шведского названия города Хайтабу (Хайдеорт) у лагуны Хаддебюер фьорда Шлей.

В качестве свидетельства связей между датчанами и англичанами на английской земле может быть, пожалуй, упомянут футляр гребня из Линкольна, который датируется временем около 1050 г. На нем надпись датскими рунами: kamb:kotn an: kiari:ThorfastR (Хороший гребень сделал Торфаст). Вторая и третья *K* еще не пунктированы, хотя они имеют фонетическое значение *g* (следует читать godhan : giari).

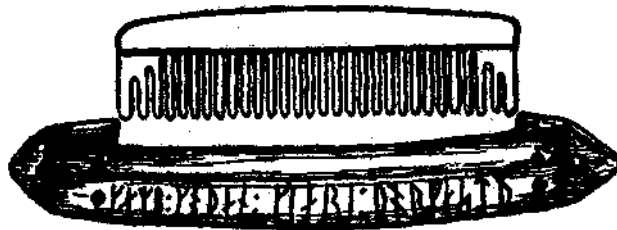

Рис. 12. Футляр гребня из Линкольна

Согласные *t* и *n* около 1100 г. тоже были подвергнуты расщеплению. Руна *t* (†) потеряла правую боковую черту и превратилась в †, знак † лишился левой половины наклонного бокового штриха и принял вид †. Так возник так называемый «поздний» *N*.

При обращении Норвегии и Швеции в христианство наряду с немецкими значительную роль играли английские священники¹². В древней Англии римско-католическое духовенство не отличалось неприятием рунического письма и позволяло использовать его, в том числе, в христианских надписях на каменных крестах. Эта англосаксонская терпимость, возможно, пошла на пользу руническому письму в Скандинавии. Тем не менее об определенном соперничестве между местными рунами и появившимся вместе с церковью латинским шрифтом свидетельствует тот факт, что резчики рун Скандинавии перешли к попыткам привести рунический ряд в соответствие с латинским алфавитом. Примером такой попытки мог бы служить маленький камень с алфавитом из Эстер-Марие на о. Борнхольм. На нем 18 рун: a b t h e f g h I k l m n o r R s t u.

Рис. 13. Рунический алфавит с о. Борнхольм

Стараниям уподобить футорк латинскому алфавиту значительно способствовали предложения рунического мастера Торрода (ок. 1125 г.), а завершены они были исландцем Олафом Хвитаскальдм в его грамматическом трактате (ок. 1250 г.).

Так возник «младший рунический ряд», который тоже был назван «пунктированным», или, вслед за Гуннером Олафсом, по имени датского короля Валь-демара II Победителя, именуется также «рунами Вальдемара».

Рис. 14. Руны Вальдемара

С XII по XIV век многие предметы из церковной утвари были снабжены руническими надписями: купели, кадила, церковные колокола, раки с мощами и т. д. Сами латинские слова и выражения, как, например, *Ave Maria*, написаны рунами.

Но это употребление рун заглохло в XV в. Время рун в Дании закончилось. В Швеции, — правда, особенно в отдаленных районах, — появились различные ответвления рунического письма в народной среде; в ограниченном кругу руны даже ожидал новый расцвет. В Норвегии рунические надписи исчезли в конце XIV в., в Исландии же — только после Реформации. Там в 1626 г. один человек даже был сожжен за то, что среди его писем были найдены рунические знаки.

Так как германский щелевой звук *T* не передавался непосредственно с помощью латинского шрифта, то англосаксонские монахи в течение столетий среди латинских букв своих рукописей удерживали его рунический знак. Таким же образом они долго сохраняли употребление руны (𐌿) для обозначения *w*. В Исландии руну *T* пишут еще и сегодня.

Записанный ученым архиепископом из Майнца Рабаном Мавром рунический алфавит и его рукописную разновидность следует оценивать лишь как свидетельство стремления немецких монастырских священнослужителей к духовным занятиям. Побуждение к этому могло исходить от англосаксонских монахов на франкской службе.

Тому, что живое воспоминание о рунах в Скандинавии никогда не угасало настолько, насколько в Германии, способствовал широко распространенный в городе и деревне предмет обихода — *рунический календарь*. На нем изображены «воскресные буквы», с помощью которых можно определить отдельные дни недели на весь год, с первыми семью рунами футорка и «золотыми числами» девятнадцатилетнего зодиакального цикла, важного для определения наступления новолуния с помощью шестнадцати рун футорка, расширенного на три знака. Древнейший доступный пониманию рунический календарь на деревянной палочке датируется первой половиной четырнадцатого столетия.

Рис. 15. Рунический календарь

Но уже на купели из Борсе (Зеландия), вскоре после 1200 г., появляется золотой ряд чисел, изображенных рунами¹³.

Рис. 16. Золотой ряд чисел из Борсе

О ФОРМЕ РУН

Форма рун характеризуется тем, что она, в общем, избегает горизонтальных и изогнутых линий, как и прямых углов, напротив, предпочитаются вертикальные и остроугольные черты. Вообще, исследования объясняют угловатые формы рун способом изготовления рунических знаков путем вырезания на дереве.

Теперь, конечно, большая часть дошедших до нас рунических свидетельств состоит из металлических, каменных, костяных, янтарных предметов и в редких случаях изделий из обожженной глины; из «Речей Сигдривы» Эдды мы узнаем о процарапывании рун на стекле, в других сочинениях — о нацарапывании на роге и китовом усе. Число же сохранившихся до нашего времени деревянных предметов с нанесенными на них рунами весьма незначительно. Но это могло бы найти достаточно убедительное объяснение в недолговечности древесины. Дело в том, что только при особо благоприятных условиях хранения древесины в жирной почве, как, например, искусственные жилища-холмы на фризско-саксонском побережье или в болотах, как в Шлезвиге и на датских островах, деревянные предметы могли сохраниться.

К находкам, сделанным в голландской Фрисландии, принадлежит игрушечный деревянный меч из Арума, на котором имеются англо-фризские руны.

Меч сделан из тисовой древесины, другие деревянные части — из дуба и ясеня. Но использовался ли в качестве писчего материала бук, как предполагали до недавнего времени на основании слов «*Buch*» (книга) и «*Buchstabe*» (буква), в последнее время стало сомнительно.

Оказалось, что буковая древесина мало подходит для резьбы и процарапывания, а слово «*Buchstabe*» вошло в употребление только после введения монашеского шрифта и относится к латинским письменным знакам. Это заключение можно сделать на основании того, что в древневерхненемецком, древнеанглийском и древнескандинавском языках отдельные письменные знаки называются «*Runstab*» или кратко «*Stab*».

Рис. 17. Игрушечный деревянный меч из Арума

Словами, обозначающими какую-либо деятельность, связанную с руническим письмом, переводится слово *writan* = «*reißen*» (чертить), «*schneiden*» (резать), «*ritzen*» (царапать) в Германии, Англии и Скандинавии. В Англии оно живо еще и сегодня как *to write* — писать, в Германии — еще только в таких существительных, как «*Grundriss*» (план, чертеж), «*Reisszeug*» (готовальня) и т. д.

Другие специальные глаголы — это «*hauen*» (рубить), т. е. «*einhauen*» (вырубать, насекасть), «*einmeißeln*» (высекать) (только в Скандинавии с X в.), «*scheren*» (срезать) (только в Скандинавии, в Германии сохранившееся еще в «*bescheren*» (остригать)), «*merken*» (замечать), т. е. снабжать маркой, и «*wirken*» (только в Скандинавии).

Древний термин «*färben*» (красить), который также переводится как «рисовать», мог первоначально относиться к рисованию рун на камне для резчика, или к заполнению насечки окрашенной массой, как на средневековом календаре, или указывать на магическое действие. Он вымер вместе с общегерманским футарком.

«*Reißen*» (чертить) и «*scheren*» (срезать) относятся к «резанию» и поэтому к

деревянной основе. Дерево самых различных пород было в изобилии в распоряжении германцев. Верно также то, что саксы, переселившиеся в V в. в Англию, наряду с другими терминами, касавшимися рунического письма, взяли с собой слово «*writ-seax*» (*Reißmesser* — резец, долото). Черчение стало нарезанием канавок, при котором из основы вынимались клинышки и получившееся углубление промазывали смесью воска и свинцового сурика или охры, так что вырезанные знаки очень отчетливо выделялись. Еще в Средние века на большом количестве рунических камней, как, например, на камнях из Ардре (о. Готланд), высеченные руны были заполнены красной краской, так что они ярко выделяются на тусклом фоне.

Рис. 18. Железный, вставленный в рукоятку нож с золотыми и серебряными украшениями в виде небесных светил из погребения в Майнце (около 400 г. н. э.) похож на нож для насечек. Был ли он резцом?

Датский историк Саксон Грамматик еще в 1200 г. знал о древнем обычае посылать «вырезанные в дереве» буквы в качестве почтового сообщения.

В распоряжении германцев для письма наряду с древесиной была древесная кора. Уже упоминавшийся выше Венанций Фортунат в дистихе писал:

“Тебе давно ни один торговец не предлагал бумагу?
Над тем, в чем тебе отказывает время, не властна и любовь.
Так пусть же ствол бука, готовый помочь, распоясает себя!
И твои слова на коре порадуют мою душу.”

Из этих стихов следует, что епископу-сочинителю бросилось в глаза использование коры бука в качестве писчего материала. Вероятно, он сделал свое наблюдение у франков. Спустя тысячу лет после него шведский архиепископ Олаф Стуре, который называл себя историком Олафом Магнусом, наблюдал употребление древесной коры для письменных целей среди крестьян. Кроме коры бука для передачи сообщений, во всяком случае, употреблялась также кора березы. Изготавливали же находчивые фронтовики во время мировой войны 1914—1918 гг. открытки полевой почты из коры березы.

Однако, в то время как немецкие солдаты писали чернилами или карандашом, а сочинявший стихи на латыни Венанций думал о письме с помощью тростниковой трубочки, о чем в его приводившемся уже выше двустишии позволяет заключить слово «*malen*» (рисовать, писать красками), германцы могли работать по коре с помощью резца. Когда они процарапывали руны на серебристой стороне коры с помощью двух параллельных разрезов, то могли снимать верхний слой коры. Тогда светлые буквы выделялись на сером фоне.

При таком действии можно обоснованно говорить о процарапывании (*Ritzen*), т. к. это слово в новом верхненемецком языке означает лишь легкое разрывание поверхности. При насечках же на дереве должно быть приложено определенное усилие. В этом отношении подходит обычное выражение «вырезать руны», объективно не подходящее для надписей, которые насекаются на дереве, режутся на глине или выдалбливаются на камне. Его применение объясняется тем, что оно как фонетическая форма «руна» заимствовано из скандинавского словоупотребления, потому что с десятого столетия в Скандинавии стали преобладать специальные глаголы *rísta* и *rista* (резать, вырезать) для нанесения рун на любой материал.

Однако были также случаи, где руны лишь слегка нацарапаны на дереве. Это наглядно демонстрирует руническая надпись на узкой кромке деревянной рейки в церквушке Ванг из Вальдреса в Норвегии, которая стоит в Брюкенберге в исполинских горах. Тонкие надрезы отнюдь не облегчают чтение. Надпись гласит: *Æindridhiskarmja: fingr:sonr:Olafsilla*. Истолкование может быть следующим: «[Эти врата] вырезал Айндриди, Тонкий палец (т. е. ловкий на руку), сын Олафа Скупого». Эту надпись следует привести здесь в качестве примера норвежских процарапанных рун, относящихся к эпохе вскоре после 1200 г.

Рис. 19. Руническая надпись из Ванга

Если руны действительно изначально были письменами, вырезанными на дереве, то становится понятным вывод почти всех специалистов о том, что остроугольную форму рун убедительнейшим образом следует объяснять чисто техническими причинами: приспособлением к материалу и учетом направления волокон древесины. Но уже в 1898 г. появились возражения против этого на том основании, что германцы, по свидетельству Венанция, использовали полированные (выровненные) дощечки или поленца, на которых и вырезали руны. В таком случае нанесение круглых и горизонтальных линий совершенно не вызывало затруднений, как явствует из сохранившихся до нашего времени чудесных скандинавских резных работ. Поэтому и в ранний период изучения рун подчеркивали, что настоятельно рекомендуется не решать вопрос односторонне и с чисто технической точки зрения, а учитывать также надлежащим образом германское чувство стиля, которое предпочитало закруглять угловатые и сводить к прямоугольным остроугольные формы.

Поучительно с этой точки зрения рассмотреть рунические формы футорка. Все его буквы, за одним исключением, имеют вертикальную осевую линию, так называемый ствол. К ней справа или слева, как ветви, присоединяются боковые, дополнительные линии. У руны *f* имеются как прямые, так и изогнутые боковые штрихи, у руны *th* пузатая боковая черта сильно преобладает над угловатой, руна *r* почти всегда имеет закругленную боковую линию, у знака *k* прямой и восходящий штрихи встречаются в равной мере, а у знака *b* значительно преобладает закругленная пузатая боковая линия. Наконец, руна *R* на датском руническом камне имеет почти исключительно изогнутые боковые штрихи.

Особого рассмотрения требует руна *m*. В длинном футарке она имела две вертикальные черты, которые были связаны между собой скрещивающимися косыми штрихами. На датских камнях десятого столетия знак *m* появляется только с одним вертикальным стволом, который сверху проходит через круг или ромб (Ф↑), однако эта форма не смогла возобладать. В середине XI в. побеждает знак, который имеет форму полукруга или полуромба, открытого сверху: ΨΥ. При этом существенно, что круглые или прямые линии появляются как будто по собственному усмотрению данного резчика по камню.

Знак *u* имеет формы П и П, у англичан также Λ; итак, боковая черта имеет угловатую или наклонную форму. Но уже на камне из Кюльвера появляется боковой штрих ниже вершины основной черты, отчего последняя выделяется сильнее. И в английских памятниках также нередко попадает эта форма. Особенно она бросается в глаза на камне из Рек (Швеция), где встречаются одновременно обе

формы.

Тенденция присоединять отличительную черточку ниже вершины главной затронула также знаки *l* и *r*, хотя и в меньшей степени, чем *U*.

Далее, она изменила старое **F** на **F** (с фонетическим значением открытого *O*). Развившиеся в дальнейшем из этого формы уже упоминались выше. В некоторых скандинавских памятниках появляется знак с тремя дополнительными штрихами: **F**, эта форма руны считалась, возможно, особенно надежной защитой.

Древнеанглийское *D* имеет косые штрихи, которые не связывают больше верхние и нижние концы обоих вертикальных штрихов, а присоединяются глубже и заканчиваются выше: **M**. Эта форма встречается уже на фибуле из Фрайлауберсхайма.

Общегерманская руна *h* в южногерманской области имеет два наклонных поперечных штриха, на севере же — только один. Позже там появился знак только с одним стволом и с двумя перекрещивающимися боковыми штрихами: *****.

Древнее *R* **Y**, начиная с восьмого столетия, вытесняется формой **Λ**. После фонетического совпадения *R* и *r* этот знак стал употребляться для обозначения *ii* (примерно с 1050 г. и сначала только в Норвегии). В результате этого пунктированная руна и оказалась ненужной.

Знак *ng* **□** (Кюльвер) или **◇** (Вадстена) получил в древней Англии форму **✕**, в которой линии раздвинуты на нормальной высоте. В Скандинавии эта руна уже в VI в. свелась к одной вертикальной линии, которая имела наверху ромб.

Древняя руна *s* **↯** появляется со слегка изогнутой линией вместо традиционной угловатой; она встречается также с четырехколенным штрихом вместо трехколенного. Позже в Скандинавии она превращается в **И** (см. стр. 34). Древняя руна *o*, *Odals*-знак, имеет чаще всего угловатую форму, однако встречаются варианты и с изогнутыми как петля линиями.

Знак *z* фибулы из Шарнэ с двумя боковыми штрихами, направленными кверху, и двумя — книзу, мог бы продемонстрировать древний вариант, в котором упрощенные формы выделяют осевую черту.

Иногда встречаются значительно отклоняющиеся от обычного формы, например, **T** для *t* и **□** для *d* на острие копья из Ковеля или **†** для *u* на скрамасаксе из Темзы. В этих случаях следует условно принимать во внимание материал (насечка серебряной проволокой по железу).

ОСОБЕННОСТИ РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

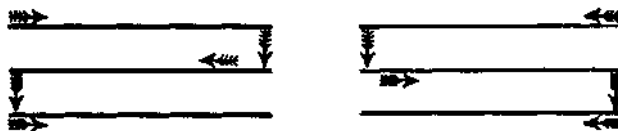
Направление письма и письмо «по бороздам»

Мы привыкли писать слова слева направо и располагать строчки сверху вниз. Но для германцев времен первых рун было возможным писать по желанию справа налево и слева направо. В зависимости от этого добавляемые с одной стороны боковые линии присоединялись или справа или слева; там, где дополнительные штрихи должны опуститься под косым углом, они идут в направлении письма вниз († †).

Строчки в то время могли направлять снизу вверх или сверху вниз — по желанию. На камне из Карлеви надпись начинается даже ниже середины, потом поднимается змеевидными линиями к шестой строчке и продолжается седьмой, спускаясь ниже первой. Новая строчка каждый раз начинается там, где кончается предыдущая.

На камне из Карлеви буквы каждой вновь начинающейся строчки перевернуты. На камне из Туны (около 500 г.) на передней стороне идет двустрочная надпись сверху вниз и обратно; спускающаяся начальная строчка повернута вправо, вторая, поднимающаяся — влево, в итоге получается то, что мы теперь называем «зеркальной надписью». На задней стороне камня начальная строчка поднимается к вершине, повернутая справа налево, средняя опускается, повернутая справа налево, до основания, так что буквы обеих строчек представляют собой антиподы; заключительная строчка поднимается вверх, повернутая слева направо.

Так как резчик рун при выполнении этих витков поступал в точности так же, как пахарь проводит свою борозду на поле, этот способ ведения строчек называли «письмо по бороздам», или письмо «поворот плуга». В древнейших рунических сочинениях встречается заимствованное из греческого языка выражение «*Bustrophedon*» («как пашет вол»).

Кое-где в надписи встречается руна, боковые штрихи которой повернуты в противоположную сторону от обычного направления строчек; тогда говорят о «повернутой руне». Если руна поставлена на голову (опрокинута или перевернута), то она обозначается как «перевернутая руна» ¶ ¶. В рунических памятниках эти случаи редки, в рунических календарях, напротив, очень часты. В них их появление обусловлено соображениями экономии пространства; повернутые и перевернутые руны давали возможность очень тесного расположения букв, что имело большое значение при общем количестве 360—365 знаков.

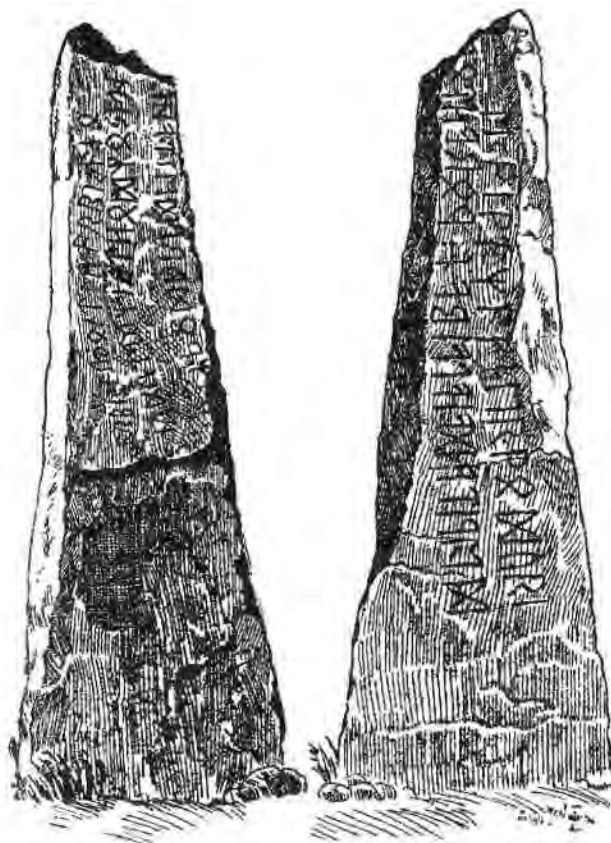

Рис. 20. Камень из Туне

Разделительные знаки

В очень многих рунических надписях, особенно на древнем футарке, буквы следуют друг за другом без каких-либо промежутков и знаков, отделяющих друг от друга слова и предложения. От желания резчика рун полностью зависело, хотел ли он облегчить чтение надписей.

Рис. 21. Руническая надпись на роге из Галлехуса

На золотом роге из Галлехуса близ Тондерна (Северный Шлезвиг) надпись из пяти слов; она имеет четыре разделительных знака в виде четырех точек, расположенных столбиком друг над другом. Два первых слова «Я Хлевагастис» не разделены — может быть, потому, что художник воспринимал их как тесно связанные¹⁴.

На фибуле из Фрайлауберсхайма мы встречаем трижды по два удлинённых штриха в качестве разделительных знаков, но и здесь не после каждого слова.

На целом ряде камней отделяются друг от друга смысловые группы, а не отдельные слова.

Кроме одной или нескольких точек или вертикальных штрихов встречаются также крестики.

Обрамляющие линии

В древних надписях руны по большей части нанесены свободно, как, например, на камне из Кюльвера и из Туне. На камне из Мёйебру (рис. 27) они стоят на одинарной линии, на фибуле из Шарнэ (рис. 5) — на двойной линии. Чем позже,

тем чаще появляются обрамляющие линии, которые, в конце концов, развиваются в искусно сплетенные из рун ленты.

Рис. 22. Камень из Рамсундсберга

Биндеруны

Из Крагехульского болота на о. Фюн было извлечено древко копья, которое датируется временем около 400 г. На нем нанесены различные знаки, составленные из двух рун, в которых боковые черты второй присоединены к стволу первой. Общая черта обычно вертикальна, реже — наклонна. Здесь находятся $\mathbb{M}\mathbb{R} = \mathbb{M} + \mathbb{R} = e + r$, $\mathbb{A} = \mathbb{F} + \mathbb{A}$ (руна перевернута из практических соображений) $= a + z$, $\mathbb{X} = \mathbb{X} + \mathbb{F} = g + a$ и т. д.

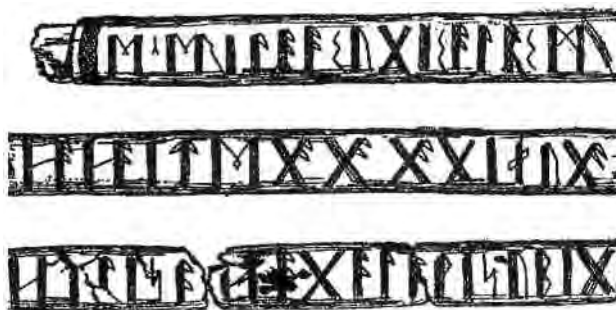

Рис. 23. Древко копья из Крагехуля

Такие знаки называются «биндеруны» — связанные руны. Случается так, что они пересекаются с целью экономии места или сил, но это действие могло иметь и другой — магический — смысл.

На камне Эрика, который по-датски называется камень Хедебю или Даневирке, найденном в 1796 г. в Шлезвиге и находящемся в Кильском музее, нанесены шесть знаков, у которых к одной вытянутой вертикальной черте одна под другой присоединены три, четыре или пять боковых штрихов, например,

$\mathbb{M} m + a + t + R$, в итоге — $matR$, что следует читать как $mandR$ (человек), мужчина.

Отсутствие удвоенных рун

Руническое письмо было более приближено к произношению, чем наше сегодняшнее правописание. Оно не знало удваивания гласных, как, например, в *Saat*, или согласных, как в *bellen*, и так же мало удлиняющих гласную букв, как наше *e* в слове *Liebe* или *h* в слове *Sahne*.

Тот факт, что руническое письмо не применяло удвоенных согласных для выражения краткости гласных, играет роль в вопросе о подлинности костяных рукояток кинжала или ножа с вырезанными на них рунами, которые были найдены в

1927—1928 гг. в отвале, оставшемся после работы землечерпалки на нижнем Везере. На одном из этих костяных предметов стоит слово $\text{K N N I} = kunni$

(род). На нем бросается в глаза одинаковая с другими буквами высота *K*, а также удвоенное *N*. Обе особенности кажутся несвойственными рунам. Но они, очень вероятно, могли бы быть вызваны римским влиянием, которое было ощутимо в течение нескольких столетий именно в этой области. Надпись на предмете гласит: *latam hari kunni ye*, т. е. «Я оставляю (покидаю?) толпу — род». *Ye* — загадочно. Являются ли они попавшими сюда римскими буквами? Находка, вызывающая сомнения, до сих пор находится в музее в Ольденбурге.

Рис. 24. Везерская кость

В высшей степени, по современным понятиям, поразительной особенностью рунических надписей является, наконец, то, что два следующих друг за другом одинаковых звука могли быть написаны только один раз, касалось ли это гласного или согласного звука. Эта особенность, сводившаяся, вероятно, к экономии усилий, встречается не только внутри слова, но также и в конце его, и в начале следующего, даже если конец предложения находится между ними.

Последовательность рун

Последовательность рун разительно отличается от порядка следования букв в письменных рядах южных стран древности. Футарк существует в этом смысле совершенно самостоятельно, вне всякой зависимости от греческого и латинского алфавита. Все попытки вывести все-таки порядок следования рун из латинского алфавита до сих пор разбивались об их внутреннюю недостаточность и пристрастность. Эти попытки не прекращаются, т. к. расстановка рун с момента возникновения их научного исследования все еще является аргументом против теорий о заимствовании. Она препятствует всякому предположению о простом принятии чужеземного образца.

К сожалению, как уже упоминалось, памятники с южногерманским футарком не полны, так что не позволяют установить, заканчивается ли футарк на *d o* или на *o d*. Если все-таки некоторые исследователи решались принять *d o*, это происходило потому, что тогда ряд начинался бы руной, обозначающей движимое имущество, и заканчивался бы руной для обозначения недвижимости. В том случае, если новая находка не подкрепит одну из этих версий, решение за или против должно оставаться не принятым.

ЧТЕНИЕ И ТОЛКОВАНИЕ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

Наука о рунах начиналась с исследования рунических памятников и в дальнейшем на них и основывается. Каждая новая находка обогащает ее, но в большинстве случаев задает также и новые загадки. Новые памятники осваиваются путем чтения, толкования и научной оценки найденного¹⁵.

Под *чтением* понимают установление звукового значения рун на найденном предмете. Такое чтение по большей части непростая вещь: не всегда руны читаются так отчетливо, как на золотом роге или камне из Мёйебру (рис. 27). Часто возможность недвусмысленно различить буквы более или менее сильно затруднена ржавчиной, выветриванием, искажением, трещинами в металле, стиранием знаков и другими повреждениями. Если к этому еще добавить тот факт, что резчик рун не совсем тщательно придавал форму знакам, то ошибочное чтение некоторых рун вполне объяснимо.

Так, например, на большой Нордендорфской фибуле (рис. 25) руна *n* в слове «*Wodan*» процарапана так, что она очень похожа на руну *g* в слове «*Logo*» в расположенной ниже строчке. Это способствовало тому, что возникло так много прочтений именно этого рунического документа. Иногда резчики рун тоже ошибались и не всегда старались исправить ошибку или исправлениями еще больше затемняли смысл написанного.

Та, уже упоминавшаяся особенность рунического письма, когда буквы следуют друг за другом, часто без промежутков между словами и без знаков препинания, приводила к тому, что буквы, обозначающие одинаковые звуки, следовавшие друг за другом, нужно было ставить лишь один раз; что в скандинавских надписях *m* перед *b* и *p*, как и *n* перед *d* и *t*, просто опускались, так что вместо *Kumbl* писали *kubl*, а вместо *GudhmundR* — *kuthmutR*; что *i* могло быть пропущено, так как оно уже содержалось в следующей вертикальной черте; что, с другой стороны, из соображений художественного заполнения пространства или для достижения желаемого соотношения чисел *i* ставили дважды, как, например, на брауншвейгском руническом ларце (рис. 28); что некоторые скандинавские руны фонетически многозначны и что, наконец, появляются биндеруны. Таким образом, неудивительно, что чтение многих надписей еще не полностью осуществлено и все еще требуются новые усилия для правильного чтения.

Вычленение слов и предложений из обнаруженных букв и объяснение смысла — вот задача *толкования*.

Для освещения трудностей, связанных со многими чтениями и толкованиями, могли бы служить два высказывания специалистов. Густав Некель в 1934 г. сказал, что руны мог бы надеяться разгадать лишь тот, кто уделит должное внимание всем без исключения дошедшим до нас руническим памятникам. Исландец Александр Йоханнессон в 1938 г. защищал ту точку зрения, что предпосылкой для успешного толкования еще не интерпретированной рунической надписи является точное знание всех языков и культур германских народов в древности и в новое время.

Наглядности сказанного могли бы служить следующие примеры.

Знаменитый золотой рог из Галлехуса, который, к сожалению, пал жертвой кражи, нес на себе прекрасно читаемую надпись из 32 рун: *Ek Hlewagastiz Holtijaz horna tawido* (рис. 21). Это истолковывается как «Я, Хлевагастис, человек из [рода] Хольтов, сделал рог» или как «Я, Хлевагастис, сын Хольта, сделал рог». Возможны

оба толкования.

Рис. 25. Большая нордендорфская фибула

Намного труднее случай с большой фибулой из Нордендорфа, которая находится в Аугсбургском музее. На ее оборотной стороне две нацарапанные в разное время надписи, направленные противоположно друг другу. Одна состоит из трех строчек и читается так: «*Loga thore/ Wodan/ wigi Thonar*», другая до недавнего времени читалась как «*Awa Leubwinie*». Согласно многим ранним попыткам толкования трехстрочной надписи следует ссылаться на многократно перепечатываемое в течение пятидесяти лет «Завоюй брак, Водан, освяти, Донар». При прочтении в 1933 г. было вставлено двойное *r* в *thor[r]e* и надпись толковалась так: «*Хочу осушить могилу, Водан, освяти, Донар*». Однако удовлетворительнее всего другое раннее толкование, которое предполагает три имени богов: «*Логаторе, Водан, Вигитонар*».

Слова «*Awa Leubwinie*» истолковывались как «Ава Лойбвинию», то есть как посвящение женщины мужчине. Другое раннее толкование гласило: «Ава, наслаждайся любимым!» На основании исследования фибулы в инфракрасных лучах недавно было прочитано следующее: «*Am Leubwini*». Эти два слова с этих пор истолковывались как «Счастье Лойбвину!». Найдено ли при этом окончательное истолкование — сомнительно.

Существует уже по меньшей мере дюжина толкований готской рунической надписи на золотом обруче из Петроассы в Зибенбюргене. Эта драгоценная, к сожалению, уже однажды украденная и при этом разрубленная вещь во время мировой войны была перевезена из Бухареста в Москву.

Он принадлежал, вероятно, к священным сокровищам вестготов при Атанарихе и спрятан предположительно во время отступления этого предводителя готов перед нашествием гуннов между 376 и 389 гг. на Зибенбюргском плоскогорье.

Наиболее достоверное прочтение рун таково: *g u t a n i o w i h a i l a g*. Одно из толкований, которое, по мнению специалистов, более всего заслуживает внимания, гласит: «*gutan iowi hailag*» = «Юпитеру, [то есть Донару] гот святой». С другой стороны, большое одобрение вызывает следующее толкование: «*gutanio wi[h] hailag*» = «Неотъемлемая собственность [божественной] готской заступницы».

Еще более раннее толкование принимает руну *o* как сокращение от *othal* и объясняет надпись как «Готское родовое имение; священная собственность».

Рис. 26. Золотой обруч из Петроассы

Камень из Мёйебру (Швеция), который датируется временем около 400 г., достоин внимания благодаря динамичному образному изображению всадника с поднятым мечом; кажется, что слева внизу намеком проступает лежащая фигура. На камне повернутая влево надпись из двух строчек, которые поднимаются снизу вверх. Резчик рун не владел искусством распределения пространства, так как ему пришлось поместить над второй строкой ещё

Рис. 27. Камень из Мёйебру или Хагбю

одну букву. Тот факт, что он вырезал *G* меньше, чем остальные руны, также объясняется недостаточным расчетом свободного места. Руны отчетливо видны. Внизу они представляют собой слово «*Frawaradas*», т. е. какое-то имя, а наверху — *anahahaislaginaz*. Последние восемь рун позволяют себя однозначно отделить;

они составляют слово *slaginaz*, то есть «убивать». Мнения по поводу оставшихся восьми знаков очень сильно расходятся.

Один исследователь толкует «*ana hahai*» как «на изгороди», видя в этом название населенного пункта, другой понимает «*ana hahai*» как «на коне», а третий предполагает, что букву *s* в *slaginaz* следует читать удвоенной, и получает вместе с *i* перед ним словечко *is = ist* = есть. Таким образом, получаются три варианта толкований: 1. «Фраварадас убит в Хаге (теперь Хагбю)»; 2. «Фраварадас убит на коне»; 3. «Это Фраварадас; Ана Одноглазый убит» (т. е. Фраварадасом). Решение о том, какое из этих толкований заслуживает предпочтения, трудно принять; это в значительной мере обусловлено размышлением о том, был ли камень установлен в честь победы Фраварадаса или в память об убитом Фраварадасе. С учетом всех видов рунических камней, последнее более вероятно.

Очень трудным было также чтение и толкование рунической надписи на нижней стороне дна брауншвейгского рунического ларца, который хранится в Музее герцога Антона Ульриха. Это искусно вырезанный ларец с реликвиями, принадлежавший монастырю Гандерсхайма, которому он был подарен супругой Отгона Великого Эдит.

Рис. 28. Дно брауншвейгского рунического ларца

На плоскости дважды повторенная надпись англосаксонскими рунами: «*Uritne thiis iioh shuoicl iin mung Hælchio Æliea*», то есть: «Этот ларец вырезан из моржового клыка, помни Халикаса, Аллиа».

О ТРЕХ РОДАХ

На брактеатах из Вадстены и Грумпана общегерманский футарк разделен точками на три группы по восемь знаков; в футорке из шестнадцати рун первая группа охватывает шесть букв (*f-u-th-o-r-k*), вторая и третья — по пять (*h-n-i-a-s* и *t-b-l-m-R*).

Один исландский источник сообщает, что эти группы назывались там «родами» и имели имена *Freys*, *Hagals* и *Tyr*. Так как под *Hagal* подразумевался, вероятно, Один, то каждая группа была посвящена скандинавскому верховному божеству.

Возникает вопрос, не есть ли исландское обозначение *aett* = род только позднее истолкование смысла и не значило ли первоначально *aett* «вось-мичленный ряд», что соответствовало общегерманскому футарку.

Троичность имела большое значение в духовной жизни германцев. Имена богов выступали в триадах. В Скандинавии было три норны, при обращении к жребию должны были быть вытащены три жребия, а из сущности права происходит пословица «Бог троицу любит».

ОБ ИМЕНАХ РУН

В десятой главе написанной в 98 году н. э. «Германии» Тацита написано:

«Нет никого, кто был бы проникнут такою же верою в приметы и гадания с помощью жребия, как они. Вынимают же они жребий безо всяких затей. Срубленную с плодового дерева ветку они нарезают плашками и, нанеся на них особые знаки, высыпают затем, как придется, на белоснежную ткань. После этого, если гадание производится в общественных целях, жрец племени*, если частным образом — глава семьи, вознеся молитвы богам и устремив взор в небо, трижды вынимает по одной плашке и толкует предрекаемое в соответствии с выскобленными на них заранее знаками. Если оно сулит неудачу, повторный запрос о том же предмете в течение этого дня возбраняется, если, напротив, благоприятно, необходимо, чтобы предреченное, сверх того, было подтверждено и птицегаданием» (Тацит, 10).

Эти сведения римлянина подтверждаются некоторыми отрывками из Эдды. Так, в «Прорицании вельвы» норна сообщает:

Урд имя первой,
вторая Верданди, —
резали руны, —
Скульд имя третьей;
судьбы судили,
жизнь выбирали
детям людей,
жребий готовят.
(20)

В «Песне о Хюмире» говорится:

Раз боги с охоты
вернулись с добычей,
затеяли пир,
чтобы всласть насытиться;
прутья кидали,
глядели на кровь —
узнали, что вдоволь
котлов у Эгира.
(1)

В «Рунической песне Одина» сообщается:

...поднял я руны,
стена их поднял...
(139)

История языка тоже подтверждает сообщение Тацита. Дело в том, что слово «*Los*» (жребий) (древневерхненемецкое «*hloz*») первоначально означало

* У Тацита *sacerdos* = даритель жертвы; обычно переводится как «жрец». Но это слово, заимствованное из христианского лексикона, не совпадает по содержанию со словами из древневерхненемецкого языка «*Ewart*» или «*Ewalt*», которые означают «хранитель», или «господин закона».

«отрезанный кусок дерева». Древнеанглийский язык сохранил для этого слово «*tán*», которое еще живо в новонемецком языке как «*Zein*».

К этой зависимости принадлежат, вероятно, также указания в «Рунической песне Одина», которые, очевидно, относятся к руническому искусству, используемому при гадании о будущем:

Умеешь ли резать?
 Умеешь разгадывать?
 Умеешь окрасить?
 Умеешь ли спрашивать?
 Умеешь молиться
 и жертвы готовить?
 Умеешь раздать?
 Умеешь заковать?
 (Речи Высокого, 144)

Весь смысл этого свободного перевода раскрывается лишь тогда, когда принимают во внимание тот факт, что вопросы в первоначальном дословном тексте имеют такое значение: «Ты знаешь, как нужно резать?» и т. д. Под словом «разгадывать» подразумевается чтение и толкование рун, под словом «спрашивать» — узнавание судьбы по жребию, под словом «молиться» — чтение молитвы при вытаскивании рун, под словом «посвящать» — жертву, под словом «раздать» — раздачу жертвенного дара участникам праздника и под словом «заклать» — умерщвление жертвенного животного. Этот случай убедительно доказывает, что даже хорошие вольные переводы не могут еще заменить изучение первоначального дословного текста.

Итак, обращение к жребию было занятием, которое совершалось с благоговейным страхом. Чувству богобоязненных германцев требовалось перед каждым решительным шагом заручиться согласием высших сил (*советчика*). Так примененный для этого «знак», как обычно переводится употребленное Тацитом слово *nota*, становился *священным* и *полным смысла*.

Рекомендовалось называть эти знаки «марками», так как именно в связи с рунами часто употреблялась основа слова «*merken*» (снабжать меткой). Так он называется, к примеру, в песни «Беовульф», где говорится о рукоятке меча:

...и сияли на золоте
 руны ясные,
 возвещавшие,
 для кого и кем
 этот змееукрашенный
 меч был выкован
 в те века незапамятные
 вместе с череном,
 рукоятью витой...
 (1694)

В XIX в. и в первой четверти XX в. все еще задавались вопросом, можно ли переводить слово «*nota*», употребляемое Тацитом, как «руны». Те исследователи, которые под рунами хотели понимать лишь письменные знаки германцев, указывали на то, что римлянин выбрал не слово «*litera*» = «буква», а именно «*nota*». Пожалуй,

уже в 1852 г. подчеркивалось, что речь должна была идти о «*notae characteristicae*», то есть отличительном знаке и, одновременно, о знаке, означающем начальный звук. Но лишь в 1937 г. долгому спору был положен конец с помощью доказательства того, что Тацит избрал слово «*nota*» по зрелом размышлении, так как в латинском словоупотреблении оно обозначало не одну-единственную букву алфавита, а начальную букву сокращенного слова, которая его заменяла, — например, *S. C.* = *senatus consultum* = постановление Сената. Очевидно, Тацит узнал от своих авторитетных германских источников, что знаки, вырезанные на деревянных жребиях, заменяли целое слово. Так, они действительно соответствовали внешне римским «нотам» (знак, метка), от которых, однако, они отличались своим религиозным содержанием. Вывод о том, что руны первоначально были меткой или отличительным знаком для обозначения представлений и понятий из материального и духовного мира германцев, позволяют сделать имена рун. Знанием этих имен мы обязаны записям из немецких, английских и скандинавских областей. Имена древнеанглийских рун переданы в рукописях и рунической песне из 29 строф. Имена скандинавских рун для шестнадцатизначного ряда сохранились в «*Abecedarium Nordmannicum*» монастыря Сент-Галлен, составленном в X в., в Лейденской рукописи X в., в норвежской рунической песне XIII в. и в исландской рунической песне, которая записана, вероятно, еще раньше, чем норвежская.

К этим свидетельствам примыкает запись готских названий букв в Венской рукописи VIII в., времени англо-саксов и придворного ученого императора Карла Великого Алвина, который более известен по латинизированной форме своего имени как Алкуин. Они восходят, вероятно, к сообщению некоего гота из южной части королевства франков и показывают, что рунические символы носили названия букв из шрифта готской Библии, которые, в свою очередь, были заимствованы из древнего рунического футарка.

Из этих источников было сделано заключение о значении следующих понятий общегерманского футарка:

1. *f Vieh* (скот), имущество, владение (домашние животные)
2. *u Urstier* (тур) = тур, первобытный бык (дичь)
3. *th Thurse* = великан (сила, враждебная жизнь)
4. *a Ans* = бог из рода асов (дружелюбный бог)
5. *r Ritt* (поездка верхом) или *Wagen* (повозка) (путешествие, передвижение, странствование)
6. *k Kienspan* (сосновая лучина или сосновый факел) (домашняя жизнь)
7. *g Gabe* (дар) (радостная неожиданность)
8. *w Wonne* (блаженство) или *Weide* (утеха) (обеспеченное пропитание)
9. *h Hagel* (град) (внезапная гибель; дальнее и ближнее действие)
10. *n Not* (нужда) (неприятное принуждение всех видов)
11. *i Eis* (лед) (коварная гибель, смерть)
12. *j Jahr* (год) (течение времени, такая удача года, как хороший урожай)
13. *e Eibe* (тис) (вечнозеленое дерево, победа жизни)
14. *p ?* (сохранилось только в древнеанглийской рунической песне как «*reorth*»). Смысл еще не установлен. Может быть, сила зачатия)
15. *z Elch* (лось) (оборонительная сила против врагов)
16. *s Sonne* (солнце) (побеждающая сила)
17. *t Tiw* = *Ziu* (бог неба и войны)
18. *b Birke* (береза), *Birkenreis* (ветка березы) (юная, расцветающая жизнь)

19. *e Roß* (конь) (священное животное, вестник божественной воли)
20. *m Mann* (мужчина), *Mensch* (человек) (общество)
21. *l Lache* (смех), *Wasser*(вода) (материя жизни)
22. *ng Ing* (плодородие)
23. *o Odal* (родовое имение, родина)
24. *d Tag* (день) (свет, пробуждающий жизнь)

Сегодня уже невозможно установить в каждом случае изначальное фонетическое соответствие каждому имени. *Eis* сегодня больше не начинается со звука *i*, от звука *th* немецкий язык отказался, древнее германское слово, обозначающее лошадь, которое начиналось с *e*, отмерло и т. д. *V* в слове *vieh* нарушает картину.

Значительно количество слов религиозного содержания: *Riese*, *Ase*, боги *Ziu* и *Ing*. В случае, если под словом «*Mann*» первоначально подразумевался упоминавшийся Тацитом родоначальник *Mannus*, оно тоже могло бы быть отнесено сюда же. Имя руны *Roß* напоминает о «Германии» Тацита: «Считают, что [священные] кони — посредники [богов]» (Тацит, 10).

Определенное сочетание понятий несомненно: домашние и дикие животные, покровительствующие жизни и враждебные ей силы и времена года, любовь к родине и страсть к путешествиям, удовольствие от движимого имущества и землевладения, процветание и нужда выступают частично как противоположные, частично как родственные понятия. Это скандинаво-германский мир, отражающийся во внутреннем мире германского крестьянина. Это обстоятельство было осознано и высказано около 1850 г., а после 1930 г. остроумным и изящным способом развито далее.

Имена рун охватывают весь круг религиозных понятий германского мира. Они позволяют представить себе, как происходил ответ на вопрос, обращенный к судьбе во время вытаскивания жребия: смотря по благоприятному или неблагоприятному содержанию понятия вынутого жребия должно было быть найдено аллитерационное изречение, которое давало ответ. Слово, обозначающее понятие «*Raten*» (разгадывание), и истолкование рунической метки «*réðhan*» живо еще и сегодня в английском *to read*, означающем «читать».

Тацит говорит, что не только определенный племенным округом *Ewart*, но и каждый глава рода мог задавать вопросы судьбе. Из этого следует, что руны и связанные с ними понятия должны были быть общим достоянием всех свободных германцев. По всей видимости, запоминанию целого ряда обрядовых имен служили мнемонические стихи. Отражение таких мнемонических строф могло существовать в рунических песнях.

Их запись между тем произошла только после наступления письменного периода, связанного с обращением в христианство, то есть спустя много столетий после Тацита. Древний оригинальный текст поэтому неизбежно должен был подвергнуться видоизменению. Об этом свидетельствует, кроме того, имя *thorn* (*Dorn*) для *thurs* (великан) в древнеанглийской рунической песне; вероятно, христианский страх был поводом к замене языческого представления более безобидным.

Изменение языка с течением времени также обуславливало переработку древних стихов, что наглядно демонстрирует следующий пример. Четвертая руна *ansuz* (*Ase*) была заменена в древнеанглийском языке на *us*, после чего это сакральное понятие под влиянием христианской нетерпимости было замещено

одинаково звучащим *ys* = *Mund* (рот). Тот же процесс можно наблюдать на примере христиански окрашенной норвежской рунической песни, где *yss* было заменено на *Mündung* (устье реки). Но исландский стих сохранил древнее значение «*Ase*».

Чтобы составить представление о рунических песнях, следует представить по несколько строчек из древнеанглийского (а), норвежского (b) и исландского (с) мнемонических стихов:

- а) «Солнце всегда радость мореплавателям, если они плывут над рыбным потоком или морской конь несет их к земле».
- б) «Солнце — свет земли. Я склоняюсь перед святым».
- с) «Солнце — щит облаков и защищающий ореол, и разрушитель массы льда».

Самый короткий и по содержанию, вероятно, самый старший из этих памятных стихов — это уже упоминавшийся так называемый норманнский алфавит монастыря Сент-Галлен, который на новом верхненемецком языке следует свободно передать так: «*Vieh* впереди, / *Ur* за ним, / *Thurs* третья руна. / *As* над ним. / *Rad* вырезай под конец! / *Kien* приклеивается к нему. / *Hagel* имеет нужду. / *Eis*, работа по сбору урожая и солнце. / *Tiu*, береза и человек посередине. / *Lache* светлая. / Конечная *R* все заключает»^{*}.

Язык этих стихов — это смесь языковых форм, носящих скандинавский, древнесаксонский и древневерхненемецкий отпечаток, свидетельство того, что он странствовал из Скандинавии через Нижнюю Саксонию в Верхнюю Германию. Общий текст при этом затемнен и искажен. В дошедшем до нас виде он состоит из одиннадцати связанных аллитерацией стихов.

Имена норвежского шестнадцатизначного футарка звучат следующим образом: 1. *fé* (*Vieh* (скот)); 2. *Úr* (*Schlacke* (лава)); 3. *Thurs* (*Riese* (великан)); 4. *Óss* (*Fluâtmündung* (устье реки)); 5. *reidh* (*Ritt* (поездка верхом)); 6. *Kaun* (*Geschwür* (нарыв)); 7. *Hagal* (*Hagel* (град)); 8. *naudh* (*Not*) (нужда); 9. *is* (*Eis* (лед)); 10. *ár* (*Erntesege* (собранный урожай)); 11. *Sól* (*Sonne* (солнце)); 12. *týr* (*Tyr*) (Тюр — бог войны, сын Одина); 13. *Bjarkan* (*Birkenreið* (ветка березы)); 14. *madhR* (*Mann* (человек, мужчина)); 15. *Logr* (*Wasser* (вода)); 16. *ýr* (*Eibe* (тис)).

Достоин внимания то, что среди рун общегерманского футарка упоминаются только древнейшие образы богов, как, например, Тивас и Ингвас. Это позволяет сделать заключение, что первые стихи этого рода возникли в древние времена. Тацит ничего не говорит об общем числе употребленных знаков. Потому возможно, что их число не совпадает с двадцатью четырьмя буквами футарка.

Правомерно, пожалуй, будет сделать вывод о том, что поздняя, в виде обрывков, передача имен рун представляет собой беспорядочную картину, а прежние набожно-священные и повседневно-мирские обозначения и новообразования разгадываются рядом друг с другом: ставшие непонятными древние имена могли быть заменены одинаково звучащими или имеющими двойной смысл другими понятиями. Но первоначально футарк символизировал религиозное понимание миропорядка с германской точки зрения.

^{*} Оригинал начинается с *feu*; вместо *F* согласно немецкому правописанию должно стоять *V*. Пятнадцать начальных букв составителем набраны вразрядку. С *Eis* сравни *Island*. Последней руной по имени «*Yr*» была конечная *R*, то есть без начального знака.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Там, где на рунических камнях упоминались известные имена и события, время создания надписей позволяет определить себя достаточно точно. Это касается, к примеру, «большого» и «малого» «камней Сиггрюгга», которые выставлены в Национальном музее древностей в Киле. Они также называются «камнями периода ведельских фибул» I и II по названию ведельской фибулы из Ольденбурга (Хайтабу), часть имени которой «Ведель» указывает на древний брод. Дело в том, что на узкой луговой перемычке, которая проходит по броду между Хаддебайер и Селькер Ноор, южными выступами фьорда Шлей, в 1796 г. был найден «большой камень Сиггрюгга». Он использовался там в качестве камня-ступени. Надпись на нем гласит примерно следующее: «Асфрид сделала этот надгробный памятник Сиггрюггу, своему сыну, на освященном месте погребения Кнуба». Она дополняется рунами «малого камня Сиггрюгга», который был обнаружен в 1887 г. в основании каменной кладки Готторпского замка под Шлезвигом. Королева Асфрид, вдова конунга Хайтабу Кнуба, побежденного в 934 г. королем Генрихом I Птицеловом, повелела воздвигнуть оба камня в память своего павшего в 943 г. в Нормандии сына. Следовательно, они могли быть установлены около 950 г.

Но большинство рунических памятников лишены таких данных. Все же дело обстоит сравнительно благоприятно, если речь идет о находках из погребений, болот или искусственных обитаемых холмов, датировка которых благодаря найденным при этом монетам или древним предметам возможна с определенной точностью. Так, например, вместе с фибулой из Фрайлауберсхайма была обнаружена монета короля остготов Бадвилы (541—552 гг.), который известен под своим детским именем Тотила. Согласно этому, могила могла принадлежать ко второй половине VI в. К находкам из болот относится оправа ножен меча из Торсберга в Северном Шлезвиге, которая хранится в Кильском музее. Вместе с ней были извлечены 37 римских серебряных монет, время чеканки которых — между 60 и 194 гг. н. э. Так как еще в ранний период изучения рун выяснилось, что приношение священных жертв в это болото продолжалось, вероятно, в течение столетий, до тех пор, пока племена англов не перебравшись в Англию, то нужно с некоторым допущением говорить по меньшей мере о двух столетиях, так что руны были нанесены, возможно, около 400г.

Часто исследователи рун при датировке рунических находок прибегали к помощи археолога и специалиста по доисторическим временам, которые по форме, отделке и способу изготовления вещи в состоянии сделать выводы о ней. Очень важны в деле определения времени нанесения рун так называемые *брактеаты**, величиной с монету, отчеканенные с одной стороны при помощи деревянного клейма тонкие округлые золотые или серебряные маленькие диски, которые носились как подвеска и служили одновременно украшением и оберегающим амулетом. Они датируются преимущественно VI в. (см. рис. 4).

При изучении многих памятников, например, древнейших камней Южной Норвегии и Швеции, рассматривают форму рун как определяющий признак. При этом особенно важную роль играют ступени развития рун *k* и *j*. Поэтому следует рассмотреть формы *K*, приведенные на стр. 35. Открытые сбоку, закругленные или

* Название происходит от латинского слова *bractea* (тонкая пластина), которое служит для обозначения средневековых монет с односторонней чеканкой. Это слово использовано довольно неподходящим образом для украшения, носившегося в качестве оберегающего амулета.

угловатые маленькие формы — это древнейшие формы, и они датируются временем с III до VI в., открытая снизу, как бы висящая в воздухе руна относится к середине VI в., тем же временем может датироваться подвешенная на «стебельке», открытая снизу форма. При этом добавляется штрих, приводящий руну к стандартной высоте. В VII в. появился знак с разветвлением, направленным вверх и вниз. В VIII в. в Англии знак приобретает центральную вертикальную черту, из середины которой направо вниз идет боковая черта, в то время как в Скандинавии эта черта идет из середины вверх.

Выше уже отмечалось, что чрезвычайно важно проследить мельчайшие изменения формы рун и установить хронологические соответствия этих изменений. Это поистине верстовые столбы на пути преобразования общегерманского футарка в более поздние рунические ряды.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Научные занятия рунами были начаты в XVI в. шведскими историками Иоганном и Олафом Стуре и до XIX в. они проводились в подавляющем большинстве скандинавскими учеными. Среди них особенно заслуживает упоминания датчанин Оле Ворм.

Хотя эти люди были убеждены в местном происхождении германского письма, под влиянием библейского учения об откровении они верили, что руны следует выводить из древнееврейского письма. Только швед Е. Бенцелиус в восемнадцатом столетии искал истоки рунического письма в древнегреческих буквах.

Первую попытку начать научное исследование рун предпринял немецкий языковед Вильгельм Карл Гримм в 1821 г. Его заслугу следует оценить тем более высоко, поскольку в его время еще не было найдено ни одного немецкого рунического памятника. Он был убежден, что древние немцы имели собственный, присущий им алфавит, и высказывался следующим образом: «Было бы непонятно, если бы немцы при ранних и частых контактах с римлянами не присвоили себе, без сомнений, тотчас замеченные средства образования». Итак, существовало мнение, что обитатели древней Германии могли бы посредством письменного искусства римлян получить толчок к созданию у себя чего-либо подобного.

Современные ему коллеги-ученые между тем не осмеливались считать древних немцев обладавшими такими большими духовными творческими силами. В 1852 г. фон Либлиенкрон заявил: «Следует ли вместе с тем сказать, что наши предки писали уже в то время, и притом местными буквами? Я скажу: нет! Руны были рядом мистических знаков». Итак, он видел в рунах священные, но еще не письменные знаки. Таким образом, он отмел все прочие соображения, кроме того, что руническое письмо представляло собой заимствование из латинских прописных букв, — взгляд, который Рюс защищал уже в 1812 г.

В последней четверти XIX в. датский ученый Людвиг Виммер сделал попытку доказать заимствование рун из римских письменных букв путем сравнения их форм во всех деталях. Он заявил, что руническое письмо было образовано в одном из южногерманских племен («конечно, на одном-единственном месте и — мы можем добавить — одним-единственным человеком») и оттуда постепенно распространилось среди других племен.

Работа Виммера была настоятельно необходимым и чрезвычайно полезным результатом, который все еще актуален. Его теория господствовала затем в течение четверти века в научных кругах, а через них — и в общественном мнении.

Но не все части его научного здания были построены на прочном фундаменте. Постепенно стали очевидными трещины и получили огласку сомнения. Так, норвежец Софус Бюгге поставил вопрос, не мог ли греческий алфавит представлять образец для некоторых рун.

Намного дальше в начале XX в. продвинулся шведский ученый Отто фон Фризен. Он выступил с научной гипотезой о том, что готы создали руническое письмо в своей юго-восточно-европейской империи вследствие своих контактов с греко-латинским культурным миром и многими другими культурными импульсами воздействовали на германские племена Центральной и Северной Европы. При сравнении букв он опирался на греческий деловой шрифт (курсив).

Предположение Фризена оттеснило учение Виммера далеко назад и снова заняло на четверть века господствующее положение. Оно было поколеблено лишь новыми находками, особенно находками из Эвре Стабю в Норвегии. Так как обнаруженный там наконечник копья с рунической надписью *raunijaz* = «испытатель» датируется временем после 299 г. н. э., то руническое письмо должно было существовать уже до появления готов на Черном море (236 г.), и тем более, если наконечник копья был маркоманской работы (см. рис. 35).

Вследствие этого норвежский исследователь Карл Марстрандер в 1928 г. выступил с предположением о том, что руны возникли, вероятно, в маркоманском государстве Маробода, а именно, посредством приспособления северозетруско-кельтского алфавита, который образовался под латинским влиянием на кельтских окраинах Западных Альп, к потребностям германского языка; образцом могли служить письменные ряды типа рядов из Сондрио и Лугано.

К этому предположению присоединился в 1929 г. скандинавский исследователь Магнус Хаммарстрем в Гельсингфорсе. В Германии также многие именитые германисты объявили это скандинавистское учение о заимствовании наиболее вероятным.

Немецкий преподаватель высшей школы Г. Безеке в 1934 г. искал корни возникновения футарка у осевших в области Некера кимвров и тевтонов.

На кимвров указывали также Ф. Альтхайм и Е. Траутман в 1939 г., но не на главное племя; они спрашивали, не могло ли появиться побуждение к созданию футарка по меньшей мере у одной группы кимвром перед битвой при Верцеллах (101 г. до н. э.) в Альпах.

Шведский ученый С. Агрелль оставил после себя опубликованную в 1938 г. работу, в которой он предполагает, что руническое письмо следует сводить к римскому деловому (циркулярному) письму, как оно было обнаружено в Помпеях и в германских свайных погребениях (на римском лимесе). Против всех трех теорий о заимствовании — латинской, греческой и скандинавской — высказывался в 1929 г. немецкий германист Густав Некель. Он говорил, что никто не в состоянии установить истину, так как никто не обходится без того утверждения, что следует вернуться к идее о двух алфавитах, и защищал то мнение, что бесспорные соответствия южных письменных рядов и футарка позволяют объяснить себя, скорее всего, первоначальным родством. Он указывал в 1933 г. на доисторические руноподобные знаки, как, например, на часто встречающийся в древних надписях , который в футарке выступает как руна *Tur*, и на священный знак в гроте скалы Экстернштайн. То, что не все руны удовлетворительно выводимы из южных алфавитов, побудило немецкого преподавателя вуза Германа Гюнтерта написать в 1934 г., что противоречивые мнения о происхождении рунического письма в значительной мере должны сводиться к тому, чтобы не проводить строгого различия между *руническим алфавитом*, с одной стороны, как закрытого, жестко упорядоченного буквенного ряда, и *отдельными метками, знаками и религиозными символами*, с другой стороны, как они могут быть определены с очень древних времен , , . Гюнтерт выразил убеждение в том, что древние священные знаки такого рода в отдельных случаях сделались настоящими буквами и письменными знаками в более поздних германских алфавитах. Для подтверждения этого он ссылаясь на образ действий Вульфилы при создании готского алфавита, когда он заимствовал местные рунические знаки для своего заново составленного, преимущественно основывавшегося на греко-римских буквах алфавита.

Немецкий преподаватель высшей школы Вольфганг Краузе в 1937 г. также высказал мнение, что руны, объединенные в футарк, могут иметь двойное происхождение: как знаки, обозначающие звуки, они позволяют выводить себя по большей части из скандинавских букв, но их понятийное значение коренится в дорунических символах; часть рунических знаков обнаруживает более или менее значительную схожесть с некоторыми доруническими идеограммами; это касается, например, руны *t*, соответствующей стреловидному символу, который уже в VII в. до н. э. изображался на бастарнских «лицевых» урнах. Это его понимание «двуличности» письменных рун в 1938 г. поддержал Краузе, высказавший мнение о том, что руны, обозначающие *f*, *a*, *h*, *s*, *t*, и *o*, уверенно подтверждают свое применение в качестве идеограмм.

С признанием двойного происхождения рунических письменных знаков — как автохтонного, так и на чужой территории — появилась возможность смягчить противоречие между сторонниками автохтонной природы рун и приверженцами теории заимствования и возник определенный компромисс.

Густав Некель в 1938 г. в качестве основы для него сформулировал следующую мысль: «Употреблению рун в качестве *письменных знаков* предшествует их употребление в качестве *понятийных символов*»^{*}.

^{*} *Acta Philologica Scandinavica*. 1938, стр. 102.

О ВОЗРАСТЕ РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Уже упоминавшийся шведский архиепископ Иоганн Стуре (Иоганн Магнус) в 1540 г. высказал мнение о том, что рунические камни его родины появились во время «до или немного спустя после всемирного потопа». Это заключение было обусловлено духовными и душевными потребностями его времени. Пока не была ясно осознана необходимость провести различие между доруническими священными идеограммами германцев и рунами футарка, оценка возраста рунического письма могла сильно колебаться. Вплоть до третьего десятилетия XX в. именитыми исследователями рун обдумывался вопрос, не могло ли руническое письмо восходить к древнему железному или даже к позднему бронзовому веку. Еще в 1936 г. один уважаемый исследователь рун планировал представление соответствующих доказательств.

Виммер был вынужден благодаря своей теории заимствования из латинской письменности отнести время возникновения рунического письма к концу II или началу III в. н. э. О. фон Фризен передвинул его во вторую половину III в. н. э. Марстрандер предположил, что футарк возник приблизительно в начале новой эры в государстве Маробода, Хаммарстрем переместил его создание во времена около 100 г. до н. э. Немецкий университетский преподаватель Генрих Хемпель в 1935 г. указывал на то, что уже около 530 г. до н. э. мелкие германские племена в Западных Альпах сделались оседлыми и как союзные племена североиталийских кельтов — в качестве «гайзатов», то есть копейщиков — сражались вместе с ними против римлян; возникновение рунического письма при вероятном посредничестве кельтов было бы легко объяснимо; наконец, Агрелль отнес их возникновение ко времени между 63 и 142 гг. н. э.

Точно установить момент возникновения футарка можно было бы только с помощью новых находок. Но если, как есть веские основания предполагать, древнейшие рунические свидетельства были вырезаны на дереве, то при бренности этого материала надежда на нахождение таких документов исключительно слаба.

Все-таки поставленный Генрихом Хемпелем вопрос, могли ли германцы иметь потребность в письме, проливает некоторый свет на эту запутанную проблему. Согласно Тациту обычаи и история германцев были заключены в древних песнопениях. Ведь они были народом воинственных крестьян. У них не было городов-государств как те, из которых выросли мировые империи Ближнего Востока и Средиземноморья. В германских странах не было, следовательно, скоплений людей, собранных на ограниченном пространстве, не было вытекающей из деловой выгоды оптовой торговли, не было места, где располагались правящие круги, и не было нужды в писателях. Поэтому отсутствовал достаточный стимул для создания делового письма.

Разумеется, это не мешало тому, чтобы ведущие личности и умные головы не поняли значения возможности отправлять письменные послания и сообщения, когда или после того, как они наблюдали это у живших на границах с ними иноплеменных народов (как, например, кельты) или в чужих краях. Вероятно, эти обстоятельства учел В. К. Гримм в своем суждении, и именно оно при сегодняшнем состоянии исследований рун заслуживает глубочайшего внимания.

Тацит не упомянул ни одного случая употребления германского письма. Но он, пожалуй, дважды сообщил, что германские вожди посылали письма, а именно, маркоманский король Маробод императору Тиберию и вождь хаттов Адгандестер —

Сенату. Он не говорит, на каком языке и каким шрифтом были написаны эти письма. Следует, однако, предположить, что они были составлены на латинском языке и римским шрифтом, которыми владел получивший римское образование Маробод и которые также не могли оставаться неизвестными жителю Гессена Адгандестеру вследствие близости римских границ, проходящих по Рейну. При этом имеет большое значение то, что Тацит не выразил ни малейшего удивления по поводу употребления письма обоими германцами.

Если этот ход мыслей имеет под собой почву, то он позволяет допустить, что стимул к созданию рунического письма у германских племен, живших по берегам Рейна, был наиболее сильным. В этом контексте поучителен случай, о котором сообщает римский историк Аммиан Марцеллин. Император Валентиниан I в 373 г. н. э. нанес сокрушительное поражение в устье Майна алеманнским племенам, жившим на правом берегу Рейна, и вынудил нескольких вождей племен с их дружинами перейти на сторону римской армии. Один из них по имени Хортар был спустя несколько лет обвинен в том, что «написал некие вещи с предательским умыслом» своим остававшимся свободными бывшим дружественным вождям, и после пытки был предан огню. Очевидно, здесь шла речь о письме военно-политического содержания. Аммиан не говорит, было ли составлено послание с помощью латинского шрифта или рунами. Возможность того, что речь шла о руническом письме, неоспорима, так как в этом случае германец писал германцу, желая составить послание, не рассчитанное на то, что оно может быть прочитано римлянами, следовательно, существует большая вероятность использования рун. Аммиан тоже не высказывает какого-либо удивления. Этот случай все же говорит о том, что В. К. Гримм мог правильно оценивать ситуацию, когда он писал: «В такое время письмо находится в совершенно другом состоянии, чем мы привыкли его видеть. Им владеют как научным знанием немногие, только те, кому вменяется в обязанность получение и передача духовного». Для людей, возглавлявших германские племена, следует, таким образом, допустить знание о рунах как средстве коммуникации.

Когда и где духовно активному южному германцу впервые пришла творческая мысль составить ряд букв, используемый с той же целью, что и латинский алфавит, остается при всем том все еще неясным. Как пример того, с каким остроумием ученые пытались прояснить этот вопрос и какое важное место отводится при этом сравнению форм букв, следует, наконец, упомянуть о следующем. Рунический знак *r* **R** имеет, в частности, боковую черту, которая касается главной только сверху, но не в середине. У римской прописной буквы *R* наклонная часть касается вертикальной дважды, и как раз со II века до н. э., в то время как в более древнее время латинское *R* тоже было «открытым». Отсюда теперь следует, что открытое руническое *R* говорит о том, что футарк должен был быть создан до того, как римское *R* приняло закрытую форму. Но против этого заключения в 1938 г. было заявлено, что открытое латинское *R* встречается наряду с закрытым в курсивном шрифте времен Римской империи.

РУНЫ КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Тот, кто как сознательный немец был убежден в том, что германцы бронзового и железного века не уступали в культурном отношении другим европейским народам, старался также для соблюдения их «культурной чести» приписать им самостоятельно возникший шрифт. Однако от этого убеждения следует отказаться. Сегодня больше не судят о культурном уровне народа в зависимости от обладания им собственным письмом. То, что германцы были народом, творчески высоко расположенным во всех отношениях, сегодня неоспоримый факт.

В какой мере южные и северные германцы использовали руны для письменных сообщений, трудно сказать. Уже упоминавшееся свидетельство Венанция указывает на рунические письма у франков. В земли Северной Германии ведет сообщение из жизни Ансгария, согласно которому шведский король Бьерн в 831 г. н. э. дал ему с собой письменные знаки для императора Людовика I, которые он «составил собственноручно по обычаям страны». Легко предположить, что при этом речь шла о письме, написанном рунами, может быть вырезанном на роге. В североскандинавском литературном наследии — как в песнях Эдды, так и в родовых сагах (историях семей) часто говорится о рунах, которые посылались с целью передачи сообщений. Так, например, в «Гренландских речах Атли» говорится:

Костбера знала,
как руны разгадывать,
при ярком огне
про себя прочитала их, —
язык за зубами
держала крепко, —
но смысл был неясен
спутанных рун.
(9)

Чтение сведущей в рунах женщины происходило, таким образом, вслух, как у нас читают букварь. Далее говорится:

«Ты ехать собрался —
еще поразмысли!
Редкий средь нас
постичь может руны;
разгадала я те,
что резала Гудрун, —
недоброго жди,
горек твой жребий

Одному я дивлюсь,
объяснить не умею,
что с мудрой случилось:
все спутаны руны!

Понять удалось,
 что смерть угрожает,
 коль вы поспешите
 путь свой начать;
 ей рун не хватило,
 иль чья-то здесь хитрость!»
 (11-12)

Исторически значимо при этом то, что дочь знатного рода владела руническим письмом.

Датский историк Саксон Грамматик (1150—1216) сообщает в своей книге, написанной на латинском языке, «Деяния датчан»: «С ним [Амлетом] путешествовали два посыльных, которые имели при себе вырезанные на деревянных дощечках буквы — потому что, как известно, так выглядели когда-то письма. В этом письме английскому королю предлагалось убрать с дороги молодого человека». Амлет (Гамлет) тайно вырезал руны заново с предложением устранить посланцев — легендарный эпизод, который напоминает песнь об Атли.

Рисунок 29 может дать представление об этих дощечках. Они были складными и могли связываться шнурком. Образец находится во Фризском музее в Лейвардене.

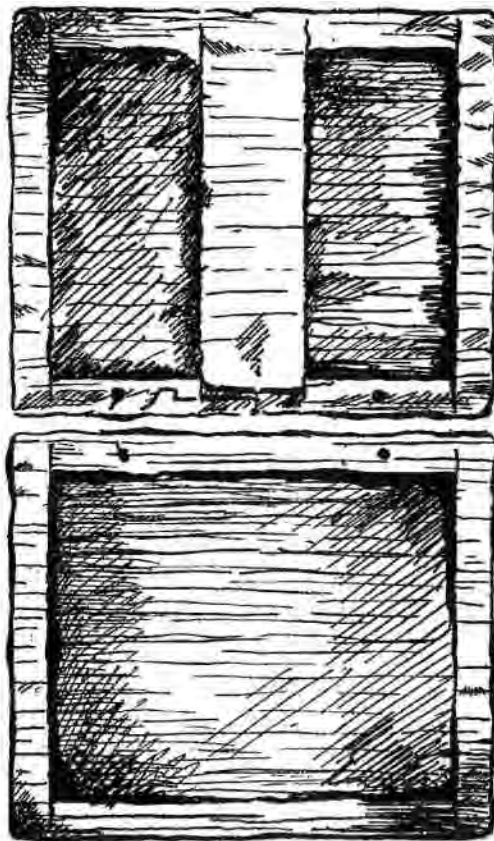

Рис. 29. Деревянная дощечка с договором купли быка
 между римлянином и фризом

Для фиксации поэтического творения должны были служить руны в «Саге об Эгиле». Дочь Эгиля предлагает своему отцу, потерявшему интерес к жизни от горя о потере своих сыновей, чтобы он сложил песнь в их честь, а она вырежет ее в рунах. Можно ли делать из этого рассказа некие общие выводы, крайне сомнительно. Дело в том, что употребление рун в рукописи «Сконского закона» (около 1300 г.) следует рассматривать, согласно ранним исследованиям, как нечто чисто сконское, следо-

вательно, как нововведение, ограничивающееся югом Швеции*.

Рис. 30. Отрывок из Сконского закона

Употребление рун в рукописях и протоколах позднего скандинавского Средневековья и нового времени следует оценить как ученое любительство — кроме тех случаев, когда определяющим было желание скрыть содержание от нежелательных читателей.

Для наглядности такого употребления рун следует предложить две выдержки из составленного в 1543 г. вахтенного судового журнала и дневника шведского адмирала Гильденстерна и из «Песни об Антюре», написанной в 1617 г. в монастыре Доберан в Мекленбурге.

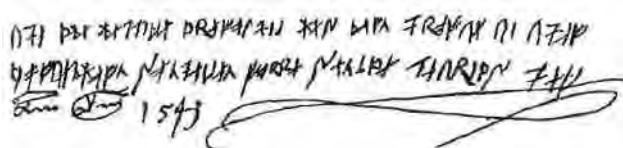

Рис. 31. Выдержка из дневника Гильденстерна

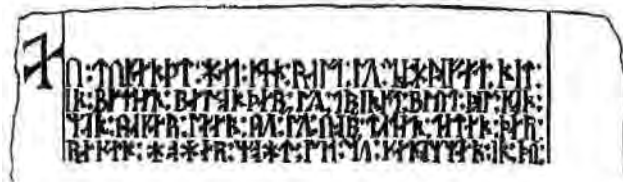

Рис. 32. Часть текста из Песни Антира

Заслуживает, наконец, внимания то, что в шведской местности Эвре Даларна еще около 1800 г. в частных сообщениях употреблялись «далекарлийские» руны. Подводя итоги, следовало бы сказать, что вероятность использования рун в качестве практического письма у рейнских германцев и, может быть, также в далеко растянувшемся государстве готов могла быть гораздо выше, чем позволяет узнать современный уровень исследований.

* Проф. д-р Брендум-Нильсен из Копенгагена.

РУНЫ КАК СВЯЩЕННЫЕ ЗНАКИ

Долгое время в рунах усматривали последовательность букв, служивших только для целей передачи сообщений. Это находит свое легко объяснимое обоснование в целом ряде надписей, в которых обходились этим назначением, соответствующим точке зрения нового времени. В надписи на золотом роге Хлевагаст называет себя изготовителем этой художественной вещи. Целесообразно учесть многие другие случаи времен Средневековья, где мастера, исполненные гордости за свое произведение, называют свое имя. Руническая надпись на одной из везерских костей «Сделал Улухари» тоже соответствует этому обычаю.

Вторая строчка фибулы из Фрайлауберсхайма большинством исследователей истолковывается так: «Тебе, Далена, он подарил». В данном случае очевидна мысль о посвящении. Если надпись на стеклянной броши из Бюлаха, хранящейся в Цюрихском музее, толкуется так: «Фрифридил приобрел меня», то это представляется указанием на обладание этой вещью. На многих наконечниках копий стоят имена, так, например, на острие копья из Ковеля (Волынь), считавшегося много лет пропавшим и находящегося ныне в Берлине, и на таком же наконечнике, находящемся в Мюнхебергском музее, из Дамсдорфа (Марк Бранденбург), который был найден в 1865 г. На первом написано слово «Тиларидс», на последнем — «Ран[н]ья». Так как это представляется пометкой обладателя оружия (сравни «Беовульф», стр. 58) то долгое время в обоих словах видели имена владельцев и истолковывали «Тиларидс» как «быстрый и усердный всадник», а «Ранняя» — как «рысак».

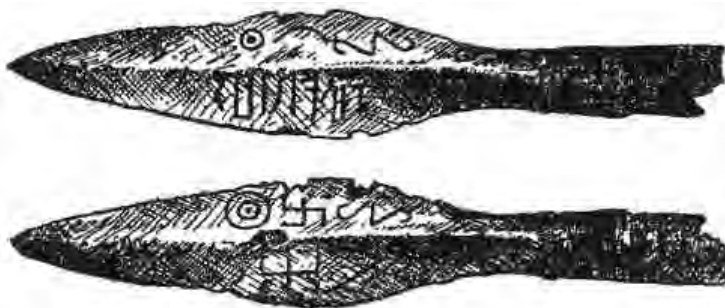

Рис. 33. Наконечник ковельского копья

На маленьком камне из Еллинг в Ютландии написано: «Конунг Горм сделал этот памятник по своей жене Тюре, датской повелительнице» — что разъясняет назначение памятника как камня в память об умершем.

Но после 1900 г., чем дальше, тем отчетливее выяснялось, что это рассудочное понимание встречавшихся надписей как надписей для будничного применения не везде могло соответствовать истине. На обоих наконечниках копий руны соединены с, несомненно, священными знаками свастики, солнечного крута, трискеле, так называемого знака молнии и т. д. Это соединение получает высокий смысл, когда руны так же, как священные знаки, повышают действенность оружия, таким образом, они сами должны стать священными. Рассмотренное таким образом соответствующее имя могло наноситься на само оружие и «Тиларидс» пониматься как «быстро-туда-летающее», примерно так, как «борец» или «атакующий», а «Ранняя» — как «с разбега ударяющий». С этим могло бы согласоваться «Ранняяс» на острие копья из Эвре Стабю с предположительным смыслом «испытатель».

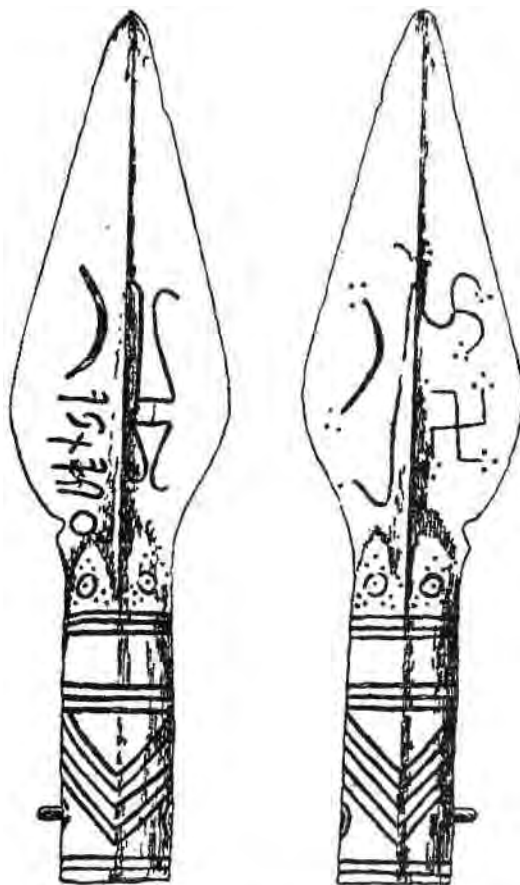

Рис. 34. Наконечник копья из Мюнхеберга

Фибула из Этельхейма в Швеции (около 500 г.) также указывает в этом направлении. Надпись на ней зашифрована: *mkmrlawrtae*. Она читается как *m[i]k m[a]r[i]la w[a]rta a[lu]* = «Меня сделал Мэрле. [Это] защита».

Уже засекречивание формулы и далее добавление слова о защите *alu*, согласующееся с этим, могут служить указанием на то, что предполагалось не только название имени благородного кузнеца, но, скорее всего, освящение драгоценности.

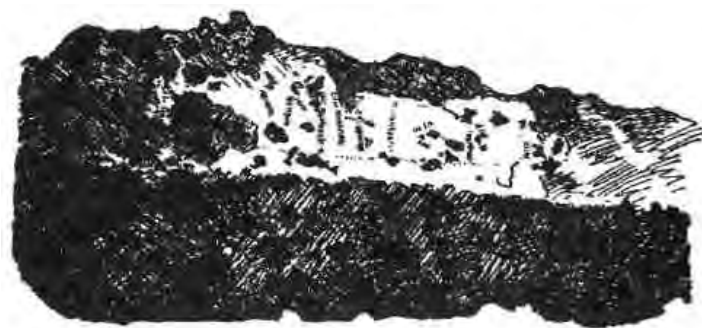

Рис. 35. Наконечник копья из Эвре Стабю

На немалом количестве памятников называет себя человек, наносивший руны. Тот взгляд, что в этом можно видеть выражение гордости художника, едва ли исчерпывает эти случаи. Напротив, скорее подтверждается тот факт, что изготовитель рун ожидал для себя особого результата от своих действий, производил освящение или заклинание посредством своих рун. Так, многие надгробные камни с одним только нанесенным именем содержат не имя умершего, а

имя резчика рун.

Эти научные выводы в 1937 г. были сформулированы следующим образом: «Руны были для германца живыми, заряженными силой существами, которые он как воин мог бы заставить сосредоточиваться и разворачиваться, если бы он имел правильные познания о них».

Эта высокая оценка рун, вероятно, исходила из меток на деревянных жребиях, когда их предсказания, как следует предположить, сбывались в действительности. Ведь эти знаки считались такими могущественными, что они могли спрашивать самих норн и богов. Так, в 1938 г., конечно, с полным правом, о них отозвались: «Руны с малолетства были всем, прежде чем стали средством общения. Их нарезание имеет основания веры, схожее с таковыми в древних наскальных рисунках, и схожую цель: укрепление и увековечение. Это нечто сверхъестественное, в этих знаках священная сила»*.

* Проф. д-р Германн Шнайдер, Тюбинген.

РУНЫ КАК НОСИТЕЛЬ ЭНЕРГИИ

Германцы имели иное восприятие мира, чем то, которое им было привито позднее, в связи с принятием христианства. Они были народом крестьян и в качестве таковых — близкими к природе людьми. В бьющем ключе и в струящейся реке, в колышущемся кустарнике и в шелестящем дереве, в разбивающемся о скалы море и в самой неподвижной скале они чувствовали силы, которые противостояли им, отчасти дружественные и готовые к помощи, отчасти коварные и враждебные. Сообразно с этим они разделяли их на «благосклонные» и «неблагосклонные» силы. Для них вселенная была одухотворена во всех своих проявлениях.

Отзвуки этого одухотворения вселенной слышатся, когда в среде немецкого сельского населения некоторых областей сталкиваешься с сохранившимся до настоящего времени обычаем сообщать о смерти владельца крестьянского двора домашним животным в хлеву и фруктовым деревьям в саду. В скандинавской литературе эта характерная немецкая черта появляется в «Снах Бальдра»: обеспокоенная мать берет со всех существ и сущностей, в том числе с металла и камней, клятву не причинять вреда ее сыну.

То, что имеет душу и, вследствие этого, ощущения, способно влиять на события с помощью слова, жеста и знака. Убедительным наглядным объяснением силы правильно выбранного слова является новый подъем немецкого народа из своего глубочайшего унижения и бессилия с 1919 г. Поэтому неудивительно, что древние германцы были глубоко убеждены в особой силе воздействия соединения слова, жеста и знака. Это триединство также ощутимо в приведенном выше сообщении Тацита о бросании жребия. Об этом в 1939 г. было верно замечено: «Однако слово стихает и поступок забывается; лишь с большим трудом фольклорист может потом из народного обычая извлечь древнее ядро, в то время как руны, еще неизменные, через многие столетия сообщают нам о заботах и нуждах германских предков».

В «Песни о Риге» в Эдде говорится о юном Коне:

Кон юный ведал
волшебные руны,
целебные руны,
могучие руны;
мог он родильницам
в родах помочь,
мечи затупить,
успокоить море.

Знал птичий язык,
огонь умирал,
дух усыплял,
тоску разгонял он;
восьмерым он по силе
своей был равен.

(44)

Если в этих стихах юный конунг овладевает искусством рун, то при этом подразумевается не навык написания рун, а способность управлять заключенной в них силой. Этим искусством стремились овладеть.

Таким же образом в песни о пробуждении валькирии говорится, что Сигрдрива взяла рог и протянула Сигурду напиток мудрости:

«Клену тинга кольчуг*
даю я напиток,
исполненный силы
и славы великой;
в нем песни волшбы
и руны целящие,
заклятья благие
и радости руны**.
(5)

Здесь тоже руны служат не буквами, а заряженными силой символами, которые могли использоваться для обороны и для разрушения.

Это скандинавское восприятие звучит также снова в немецком обороте речи «даровать что-либо кому-либо». Первоначальный смысл этого выражения был следующим: кому-либо с помощью нарезания рун что-либо доставить или причинить.

Наглядный случай этого рода употребления рун содержится в «Саге об Эгиле». Известный как скальд и викинг исландский зажиточный крестьянин должен был бежать из Норвегии от конунга Эйрика Кровавая Секира и его супруги. Тогда он вставил ореховую жердь в расщелину на вершине скалы, выдававшейся далеко вперед над землей, укрепил наверху лошадиную голову на шесте и изрек враждебное заклинание. Затем он повернул лошадиный череп по направлению к стране и вдобавок вырезал руны на шесте, чтобы способствовать изгнанию королевской пары из страны.

Об этом Эгиле рассказывают, что он пришел к одному крестьянину и узнал, что его дочь тяжело больна. Он догадался о неблагоприятном влиянии и после этого обнаружил под постелью девушки рыбью кость, на которой были нацарапаны руны. Тот, кто их вырезал, соседский крестьянский сын, не разбирался в искусстве рун и вместо рун любви изобразил руны болезни. Эгиль соскоблил руны, уничтожив, таким образом, их вредное действие, и процарапал руны благополучия, после чего больная сразу почувствовала себя намного лучше. При этом Эгиль предупредил о том, что никто не должен нарезать руны, если ему неясен их смысл. С этой точки зрения, руны есть знаки, наделенные властью, обладание которой придает чудесные силы. Тот, у кого есть определенная руна, заговорен от определенной опасности или способен к неким достижениям. При этом руны выступают как мощное средство в руках человека, сведущего в этом искусстве.

Это, между прочим, наглядно демонстрирует и песнь Эдды «Поездка Скирнира», в которой Скирнир для своего господина Фрейра сватается к дочери великана Герде. Так как гордая девушка держит себя неприступно, то соискатель руки донимает ее различными ужасами и в конце концов выкрикивает ей:

Руны я режу —
«турс» и еще три:
похоть, безумье

* Кеннинг воина в скальдической поэзии.

** Приносящие счастье рунические знаки.

Перевернутая руна могла бы указывать на цель заклинания, а биндеруна представляет собой в то же время, возможно, «тайную руну». Ибо боковую черту *L* одновременно принимают как указание на первый «род» рунического ряда, а два боковых штриха у *A* — как указание на вторую руну этого ряда; подобным образом обнаруживают и руну *u*. Рассмотренное таким образом целое опять дает в итоге *alu*. Эта искусная шифровка защитного слова может служить наглядным примером способа, каким в те века надеялись обеспечить безопасность обладателя кольца.

Слово *alu* = защита может быть связано с англосаксонским глаголом, который означает «защищать» или «заслонять». Но могло бы также быть, что каждая из трех букв представляет собой руническое имя, т. е. «*Anse (Ase)*», «*Lache*» (смех) или «*Lauch*» (лук, целебное растение) и «*Ur*» (тур), так как каждой руне принадлежит ведь способствующее или препятствующее чему-либо содержание понятия.

Другим древнескандинавским словом-формулой предохраняющего свойства могло бы быть слово *lathu*, имеющее значение «приглашение», «вызов», то есть «мольба».

Другой вид защитного приема рунического искусства демонстрируют серебряные фибулы начала VII в. из Бюлаха и костяной футляр гребня из Фер-верда в голландской Фрисландии времен Меровингов. На первых в имени Фриффридил руна *f* процарапана так, что боковые линии направлены налево, а не направо, то есть имеет место повернутая руна; дополнительные штрихи в начале и в конце имени выглядят как заостренные сучья засеки, как, так сказать, рогатка. На футляре гребня похожая картина, которую дают руны *t* и *ä*, направленные вправо.

В XIX в. часто допускали, что памятники, написанные с использованием футарка, как, например, брактеат из Вадстены и фибула из Шарнэ, были сделаны для того, чтобы служить владельцам в качестве своеобразной памятки при обучении письму. Но от этого взгляда отказались с 1903 г., когда была опубликована надпись на камне из Кюльвера. Плита с рядом букв была положена внутрь могилы, таким образом, не была предназначена для глаз живых. Норвежский ученый М. Ольсен дал ставшее с тех пор авторитетным объяснение, что футарк в таких памятниках служил не целям обучения и изучения, а преследовал цель сосредоточить все силы, имеющиеся в рунах.

Кюльверская надпись повлияла на подход к изучению рун еще и в другом отношении. Она привела Агрелля к тому, чтобы разработать свое учение об *утарке*. После исследования плиты он пришел к заключению, что первый знак надписи можно понимать не как искаженное *F*, а как *Todes-руну I*, которая находится в препозиции к закрытому правильному ряду букв; собственно, последовательность букв начинается только с *U* и заканчивается снова таинственной скрытой *F*; поэтому этот ряд следует обозначить как «утарк». Далее он делает вывод, что каждой руне соответственно её месту в ряду приписывается числовое значение - например, *u* = 1, *th* = 2 и т. д. — которое используется для достижения определенного эффективного числового соотношения. Агрелль отметил далее, что ряд на плите имеет две перестановки (*p*, *e* вместо *e*, *p* и *d*, *s* вместо *s*, *d*), три повернутые руны (*a*, *B*, *c*) и две перевернутые руны (*w* и *R*), и высказал мнение, что эти отклонения имели своей целью увеличить силу рун и помешать противодействующему, враждебному влиянию злых сил; свою гипотезу он подтвердил тем фактом, что в Средиземноморье господствовала вера в магическое действие букв и что перевернутые буквы имели свойство отвращать злых духов и расстраивать враждебное колдовство; три знака одновременно имели особенно сильное противодействие.

В самом деле, кажется, что во многих надписях следует учитывать кроме

магии букв также еще и магию чисел. Так, на уже упоминавшемся древне-английском кольце надпись разделена на три группы по девять знаков в каждой, к которым следует присоединить еще одну группу из трех знаков на внутренней стороне.

Многочисленные скандинавские памятники приводят к заключению, что находящееся на них и кажущееся бессмысленным нагромождение букв имеет своей целью определенное числовое значение. На датских рунических камнях, например, большую роль играют числа 2, 4, 8, 12, 16, 24, 48. Число 10 также должно было иметь глубокий смысл. Термином для такого счисления по числовым значениям букв является «гематрия».

Благодаря этим догадкам исследование рун в двадцатом столетии получило совершенно иной вид, чем это было в XIX в. При этом многочисленные детали влияли поразительным образом. Они подводили к вопросу, в какой степени следует считать руны чисто германским явлением. Должен броситься в глаза тот факт, что со времени, когда германцы вступили в длительное военное и хозяйственное соприкосновение с народами юга, то есть по меньшей мере со времен Цезаря и Ариовиста, духовные влияния южных представлений, в том числе также и суеверия, могли проникнуть в германские области. Цезарь уже с 52 г. до н. э. привлекал в свое войско тысячи рейнских германцев. В течение столетий германцы служили в римской армии, многие из них проводили свои лучшие годы в качестве императорских телохранителей в Риме. То, что немалое число из этих наемников имели достаточно времени и возможностей близко познакомиться с позднеантичными взглядами, лежит на поверхности. Далее, особенно датские исследования в области скандинавской археологии установили, что из устья Рейна на север пролегал оживленный торговый путь, существовавший на протяжении веков. Но вместе с товарами путешествовали и духовные ценности. Если представления южных народов, подобные тем, что описаны выше, находили опору в схожих представлениях германцев, то они — как учит история колдовства — приживались на новой почве. Следовало бы также напомнить о том, что немалое число отпрысков главных германских родов получили в Риме имперское образование, так что даже сына брата Арминия Флавия по имени Италик, херуска, из Рима, где он воспитывался, пригласили в Везерскую страну, чтобы оформить дела о передаче королевской власти.

Среди римских солдат времен империи была широко распространена вера в Митру. На Рейне тоже были построены храмы, посвященные этому богу. Почитание непобедимого Бога Солнца, конечно, разделялось многими германскими наемниками.

Согласно этому положению вещей следует считаться с тем, что на руны оказывалось влияние позднеантично-митраистских суеверий, связанных с буквами и числами. Именно этим взаимодействием культур может быть объяснена как затейливость дискообразной фибулы из Бюлаха, так и нумерологические аллюзии, в изобилии обнаруживаемые на рунических памятниках.

В этом контексте следует указать на упоминавшееся выше англосаксонское кольцо. Приведенный там случай разительно напоминает о перстне Поликрата и позволяет подобным образом сделать вывод о южных преданиях.

Во второй песне Гудрун из Эдды безутешной вдове Гудрун (Кримхильде) предлагают напиток, который должен принести ей забвение ее страданий. Там говорится:

Были на роге
багряные руны.
(22)

Таким же образом сообщается о скальде Эгиле, что он, когда ему протянули рог с медом и у него появилось подозрение, что в нем может быть яд, вырезал своим ножом руны на роге и окрасил их своей кровью, отчего рог треснул и мед вытек.

Эти невероятные рассказы доказывают, что существовало убеждение в том, что «краснота» может увеличить силу рун. Поучительно с точки зрения истории культуры, что древнескандинавское *«taufr»*, имеющее смысл «колдовство» или «защищающая вещь» в отношении языка связано с древнеанглийским *«téafor»* = «сангина» или «свинцовый сурик» и оба употреблялись вместе с древневерхненемецким *«zoubar»* = «заклинание» (сравни *lathu*). Итак, первоначально наше слово *«Zauber»* (колдовство) имело не тот смысл, который оно получило в христианском Средневековье и который нашел свое выражение в легенде о Фаусте. Но убеждение в том, что красный цвет с кровью обуславливает самое действенное заклинание, могло корениться уже в дохристианском времени.

Свидетельством того, как упорно воспоминание об обычае окрашивать в красный цвет сохраняется, кажется, и у немецких крестьян, могло бы служить следующее происшествие с туристами из Бранденбурга: «Я обнаружил в Херзефельде возле четырех богатырских фигур чашеобразный камень. За неимением мела я нашел кусочек кирпича и натер камень, чтобы сделать его более заметным. При этом подошел старый крестьянин и стал наблюдать за мной. Когда я один раз покачал головой, старый человек сказал: «Ну вот, разве что-то не так? Это меня удивляет, так как я вижу по красному цвету, что вы — знающий человек»^{*}.

^{*} Сообщение химиграфа Густава Краузе из Берлина-Нойкельна.

О «ТАЙНЫХ» РУНАХ

На кольце из Керлина в биндеруне, кажется, спрятано еще и зашифрованное *U*. Если согласиться с этим, то налицо применение «тайных» рун — таких, какие, например, встречаются на камне из Рек, на верхней кромке.

Эти знаки названы *ветвистыми рунами*. Их суть состоит в том, что к одному стволу слева и справа присоединены штрихи (ветви), которые, находясь с одной стороны, указывают род, с другой — номер места в этом роде. Так, например, можно истолковать так: второй род, третья руна, что дает *I*, как в длинном, так и в кратком футарке. Но разгадывание можно было бы продолжить и дальше, предположив, что третий род ставится на место первого и наоборот.

Другой способ этого тайного письма состоит в том, чтобы вырезать знак, который непосредственно предшествует подразумеваемой в действительности руне или следует сразу за ней, то есть вместо *u* — *f* или *th*. Это зашифровывание могло быть в дальнейшем изменено так, что за желаемую руну выступала вторая или третья до или после нее. Имелись и другие способы действий. Но приведенных может быть вполне достаточно для введения.

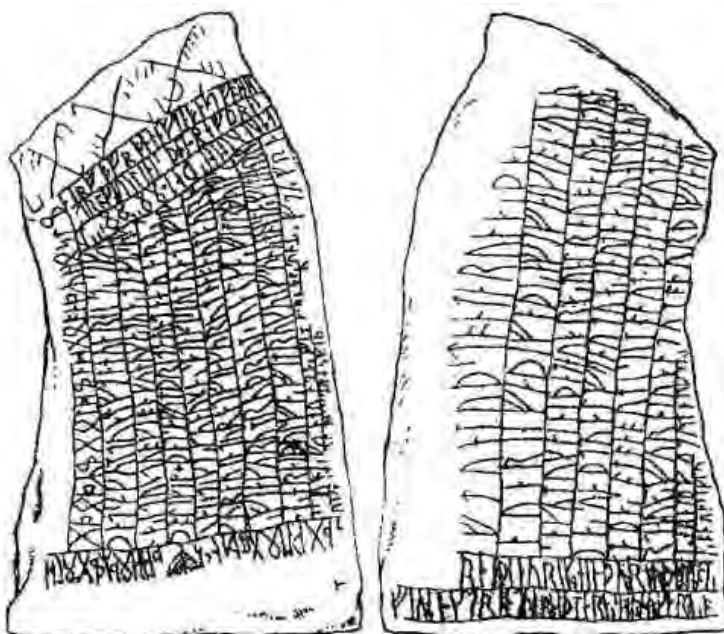

Рис. 34. Камень из Рек

О РУНИЧЕСКОМ МАСТЕРЕ

В 1930 г. в женском погребении возле Зоеста была найдена золотая дискообразная фибула второй половины VI в. с двойной рунической надписью. Она хранится в краеведческом музее в Мюнхене. Ко второй группе рун следует обращаться как к зашифрованному, так сказать, знаку объединения. Две длинные черты перекрещиваются как диагонали прямоугольника и несут на себе боковые штрихи рун *a*, *t*, *a* и *n*; над точкой пересечения изображена руна *o*.

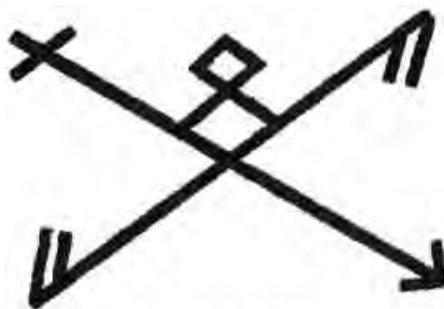

Рис. 38. Знак объединения

Все в целом дает мужское имя «Атано» или с удвоенным *t* «Аттано».

Этот Аттано мог быть, как и Бозо фибулы из Фрайлауберсхайма, резчиком рун. До сих пор говорилось о «резчике рун», «руническом художнике» или о «тесальщике рун» (сравни «каменотес»), в зависимости от того материала, с которым работал изготовитель рун. Но эти люди были не будничными ремесленниками или любыми грамотными людьми, а «понимающими» или «знающими», которые своими действиями превращали украшение в священный оберег. В Скандинавии они называли сами себя *руническими мастерами*.

Узнавание судьбы посредством обращения к жребию было возможно для каждого германца. Но с внедрением южных представлений о магии букв и чисел овладение силами рун превратилось в тайное искусство. Многие позднейшие надписи Скандинавии позволяют почувствовать, как гордились ими рунические мастера. Так, на камне из Фюрбю (после 1000 г.) читаем: «Этот камень установили два сведущие в рунах брата», а в одной надписи на Оркадах (около 1100 г.) стоит: «Вырезано человеком, искуснейшим в рунах к западу от моря».

Такими хвастливыми, как эти позднейшие рунические мастера, древние не были. На многих камнях находится формула рунического мастера: «Я, *N. N.*, окрасил [руны]», как на упоминавшемся выше камне из Эйнанга. Для них было важно лишь удостоверить священное содержание. Все-таки на камне из Нордхуглена в Норвегии (около 400 г.) уже стоит надпись: «Я, *годе**, неспособный заколдовать».

Подробно ознакомиться с этим окутанным тайной руническим знанием помогает каменная плита из Эггъяума в Норвегии (около 700 г.). Трудное и спорное толкование может быть приведено здесь в виде выдержек: «Это не озарено солнцем и камень не вырезан железным ножом; ... его полил человек из моря мертвеца». Камень был обработан без того, чтобы солнечные лучи могли упасть на него, и без употребления железных инструментов; он был также орошен «из моря мертвеца», то есть кровью, итак, окрашен красным. Затуманенный и загадочный язык со своим

* Собственно, гудийа, узкоспециальный термин, который фактически соответствовал древневерхненемецкому божеству или *Ewart'y*; смотри выше примечание к стр. 74.

предостерегающим тоном использует здесь излюбленные словесные описания из поэзии скальдов.

В языке подобных надписей следует при этом учитывать то, что рунические мастера использовали словесные формы, принадлежавшие более древней эпохе, чем разговорный язык.

Как свидетельства рунических мастеров о самих себе следует привести еще следующие находки:

1. Небольшой камень из Линдхольма в Швеции (около 400 г.): «Я, Эрилас, искусным меня называют. [Это] защита».

2. Брактеат с о. Зеландия (V в.): «Меня зовут Хариуха, Знающий об Опасности. [Я] приношу счастье».

3. Камень из Рейстада в Норвегии (около 600 г.): «Ютингас. Я, Вакрас, разбираюсь в руническом знании».

4. Уже упоминавшееся древко копья из Крагехуля (рис. 21, II): «Я, Эрилас, меня зовут последователем Асугисаласа. Могучую силу града, несущего беду, освящаю я на этом копье».

О БОЖЕСТВЕ РУНИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

На камне из Нолебю в Швеции (около 600 г.) написано: «Руны окрасил я, происходящий от отгадывающих сил». Этими словами рунам приписывается божественное происхождение. Спустя несколько столетий любимый бог викингов Один, господин мудрости и поэзии, становится также и богом рун. Каким образом он приобрел знание рун, продемонстрировано в песни Эдды, которая согласно Густаву Неккелю фон Зимроку снабжена общим названием «Руническая песнь Одина», хотя только в строфах 2 - 5 Один говорит сам.

Андреас Хойслер заметил по этому поводу: «Уже первая строфа пленяет нас настроением полумрака и тайны. В источнике норн, ниже границы света, создатель текста хочет найти слово, и то, что он молча подслушал, исходит из дома Одина; Один, Высокий, есть тот, чьи речи он передает».

Один рассказывает, как он однажды в юности — вероятно, враждебным великаном — был повешен на границе света и пронзен копьем. А потом, в глубочайшем бедствии, узрел он под собой рассыпанные руны, и брат его матери Мимир, сведущий великан, научил его волшебным песням и одарил его волшебным медом. Тут Один окреп и вырос в мастера волшебного слова и дела. Мы достаточно осторожны в интерпретации этого пророческого знания. Говорящий у источника норн передает лишь то, что донеслось до него из дома Высокого:

Пора мне с престола
тула поведать
у источника Урд;
смотрел я в молчанье,
смотрел я в раздумье,
слушал слова я;
говорили о рунах,
давали советы
у дома Высокого,
в доме Высокого
так толковали.
(111)

Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.
(138)

Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стена их поднял —
и с древа рухнул.

(139)

Девять песен узнал я
от сына Бельторна,
Бестлы отца,
меду отведал
великолепного,
что в Одрерир^{*}
налит.

(140)

Стал созревать я
и знания множить,
расти, процветая;
слово от слова
слово рождало,
дело от дела
дело рождало.

(141)

Руны найдешь
и постигнешь знаки,
сильнейшие знаки,
крепчайшие знаки,
Хрофт их окрасил,
а создали боги
и Один их вырезал.

(142)

Вот что отвечу,
когда вопрошаешь
о рунах божественных,
что создали сильные,
а вырезал Вещий:
благо в молчанье.

(80)

^{*} Движущий чувствами.

РУНЫ И ДОМАШНЕЕ КЛЕЙМО

То, что руны из первоначально священных знаков постепенно обмирщались, было идентично процессу, шедшему с категорией подобных рунам знаков. Согласно К. Г. Хомайеру, они применялись еще в ту эпоху Средневековья, когда становятся доступны нашему пониманию: во-первых, как «персональный знак» и, кроме того, как «знак рода», так что тот же самый знак частично выступал в роли личной подписи, частично служил признаком собственности.

Эти клейма владельцев назывались «домашними» и «дворовыми клеймами». Область их употребления охватывала всю германскую Европу и практически все профессии и сословия. Таким образом, они были неотделимы от правовой жизни германских народов. Так как сфера употребления этих знаков была не чисто светской, а находящейся под контролем высших сил, то эти клейма, вероятно, изначально имели священный характер.

Хомайер указывает на большое сходство, даже соответствие домашних клейм и рун. «Едва ли найдется форма из многократно менявшихся на протяжении веков в разных странах рунических алфавитов, которая не выступала бы в качестве домашнего клейма. Поэтому часто обсуждался вопрос о внутренней связи обоих явлений». Эту связь искали в одинаковом способе изготовления путем насаживания или вырезания на дереве, желая объяснить ее, таким образом, чисто производственными причинами, подвергая это, однако, довольно серьезным сомнениям. Хомайер, во всяком случае, принял во внимание то, что отдельный человек свое «домашнее клеймо» не выбирал по чистому произволу, но охотно опирался на существующий образец. Он предположил, вместе с Лильегреном, что многие домашние клейма следует объяснять скорее подражанием рунам, чем соответствием, обусловленным внешней техникой.

В языковом отношении выводы Хомайера подкрепляются связью между скандинавским словом «*kefli*» и нижненемецким «*Kâvel*»; первое обозначало «деревянная палка» или «деревянный валик» для нарезания рун и, таким образом, принадлежало к рунической терминологии, последнее обозначало деревянную палочку с родовым знаком, которая использовалась для выкупа общинных прав или обязанностей.

Рис. 39. Kâvel с домашним клеймом

Вслед за Хомайером следует привести рисунок каменного судебного кресла из Зольтервиша (к югу от Бад-Ойенхаузена), на котором наряду с рядом «домашних меток» имеются также клейма судебных заседателей. Знаки на нем датируются XVI в.

Домашние и дворовые клейма найдены на старых домах ремесленников, крестьянских домах и амбарах, на надгробных камнях, на движимом имуществе всякого рода, на алтарях и церковных окнах. На постройках различных видов в городах и деревнях находятся наряду с этим также еще некоторые руны, как, например, руны *Odals*, *Ing*, *Mann* и *Yr*, которые должны были наноситься в качестве священных знаков для защиты дома и его обитателей.

Рис. 40. Так называемый камень Видукинда

Связь между рунами и домашними клеймами проясняют, кажется, строчки из песни Сигдривы:

...что руны украсили
щит бога света,
копыто Альсвинна
и Арвака уши
и колесницу
убийцы Хрунгнира,
Слейпнира зубы и санный подрез.
(15)

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Рунические памятники — свидетельства самих германцев. Поэтому они представляют собой просто незаменимый источник для освещения германского раннего Средневековья, для изучения которого мы все еще обычно привлекаем греческие и римские сообщения.

Как раз древнейшие рунические памятники, к сожалению, крайне скупы в своем содержании, часто они содержат только одно слово или одно краткое предложение. Но, несмотря на это, они имеют огромнейшую ценность *с точки зрения истории языка*, в особенности для германской ономастики.

Культурологически существенно то, что рунические надписи сообщают германские термины, связанные с руническим письмом. Среди них не находится ни одного заимствованного слова; они все без исключения местного происхождения.

Некоторые рунические памятники важны с точки зрения *литературоведения*. Так, например, пять слов с золотого рога представляют собой аллитерационную длинную строку и являются древнейшим подтверждением почтенного возраста этого вида стиха. Другие памятники свидетельствуют о распространении важнейших строф Эдды по всему Северу, то есть не только в Исландии, но и в Дании и Швеции, где обычно нет поддающейся учету эддической поэзии. Камень из Рек содержит строфу, в которой речь идет о конунге Дитрихе. В результате эти четыре стихотворные строки доказывают, что сага о Дитрихе была известна и в Швеции.

С точки зрения истории саг большой интерес представляют две пластины находящегося в Британском музее рунического ларца из Аузона. Они несут вырезанные на китовой кости изображения из саги о Виланде и из саги о Зигфриде-Сигурде в их скандинавско-эддической редакции. Ларец, покрытый богатой резьбой, хотя и обнаружен во Франции и потому называется «ларец из Клермона» или «Аузон», но был приобретен англичанином Фрэнксом и таким образом попал в Лондон.

Рис. 41. Лицевая сторона клермонского ларца

В результате он вернулся в страну своего происхождения. По личности покупателя он называется «ларец Фрэнкса». На передней плоскости слева изображения из «Песни о Виланде»: Бадухильд просит Виланда починить ее кольцо. Кузнец стоит позади наковальни, на земле лежат трупы братьев королевской дочери. Возле них Виланд кормит домашнюю птицу железными опилками, как сообщает норвежская «Сага о Тидреке»^{*}. Справа три святых короля поклоняются младенцу

^{*} Толкование д-ра Й. О. Пласмана.

Христу. Сверху рунами написано «*Magi*» (Волшебник). Надпись англосаксонскими рунами гласит «*hrönas ban — fisk flodu ahof on fergenberig — warth gasrik grorn thär he on greut giswom*». Толкование может быть следующим: «Кость кита рыбный поток (море) поднял на твердые скалы (сушу). Извергнутый был печален, так как он плавал по песку (был выброшен на берег)». Таким образом, китовая кость принадлежала выброшенному на берег киту. На крышке написано рунами: «*Egeli*», имя Эгиля, который был известен как брат Виланда и искусный стрелок: «Сага о Телле» вновь возвращается к нему. Так как «Песнь о Виланде» имеет нижнесаксонское происхождение, то ларец также имеет для нас немалое значение. Он датируется VIII в.

К саге о Сигурде-Зигфриде относятся и изображения на скале Рамсунд, которая также называется камнем из Йедера (Швеция). Дракон ползет над ямой, в которой сидит человек и снизу его пронзает. Дальше можно видеть коня Грани, веших птиц и убитого Регина вместе с инструментами.

К области *дружинного быта* с его долгом верности и после смерти господина принадлежат такие надписи, как надпись на камне из Хэллестада (около 990 г.). Он был высечен вассалами сына датского конунга Токи в Сконе в память о своем «благодарном» господине, тело которого они привезли с собой из Швеции после того, как он пал в битве при р. Фюри к югу от Упсалы в 985 г. Поле битвы упоминается в Сконском законе. Таким образом, рунический камень одновременно является и *историческим* источником. То же самое относится к многочисленным руническим памятникам из кости, металла, дерева и камня. Следы миграций готов, вандалов, бургундов, лангобардов и т. д. являются наконечники копий из Ковеля и Мюнхеберга, золотое кольцо из Петроассы в Зибенбюргене, фибула из Шарнэ в Бургундии и т. д.

Еще многочисленнее рунические свидетельства о походах викингов (см. рис. 44). Как трогательный памятник этого рода следует привести надпись на камне из Хегбю в Эстерьетланде: «Торгейр поставил этот камень для Ассур Ленивого [Медлительного], его дяди, который умер на востоке, в Греции. У крестьянина Гулли было пять сыновей. Асмунд пал смертью храбрых на р. Фюри, Ассур погиб далеко в Византии, Хальфдан был убит на Борнхольме, Кари умер в Дунде. Нашел вечный покой Буи. Торкель вырезал эти руны». Какой охватывающий весь мир взгляд лишь одного шведского рода являет нам только один этот камень!

Своеобразное очарование имеют рунические ленты на боках мраморного льва из Арсенала в Венеции. Раньше он стоял у входа в Пирей, который в Средние века по двум мраморным львам, охранявшим вход, назывался также Порте Леоне; отсюда он был похищен ганноверскими войсками наемников, служивших Венеции, в 1668 г. и увезен в город у лагуны. На правом боку льва можно разобрать следующие слова: «Асмунд вместе с Асдейром, Торкульфом и Иваром выбили руны по приказанию Харальда Высокого, хотя греки заметили это и запретили». Упомянутый Харальд позже стал королем Норвегии Харальдом Суровым. Вероятно, его жизнь — это самое блестящее явление всей эпохи викингов; он пришел в Афины как предводитель варяжской личной охраны императора Восточной Римской империи.

О боях за крепость викингов Хайтабу сообщают четыре уже упоминавшихся рунических камня, которые были найдены возле «Ольденбурга».

Из похода 1864 г. принц Фридрих Карл привез с собой в Берлин камень из Хаверсдунда и велел поставить его перед охотничьим дворцом Драйлин-ден (теперь здесь находится вокзал Ванзее). На камне написано имя «Хайрульф».

О смелой *исследовательской экспедиции* скандинавского мореплавателя и его

смерти во льдах в 1333 г. свидетельствует камень, который был найден на острове Кингигторсоак вблизи западного побережья Гренландии под 72°58' с. ш.

Рис. 42. Камень из Хаверслунда

Свидетельства о местных верованиях германцев содержат камень из Главендрупа на о. Фюн (около 920 г.), на котором написано: «Тор, освяти эти руны», и большая нордендорфская фибула с именами «Водан» и «Донар». Надпись из Нолебю: «Руны окрасил я, имеющий божественное происхождение», касается уже, вероятно, Одина, который, согласно эддическим преданиям, был мастером рунического искусства. Интересен и камень из Снольделева на о. Зеландия: «Камень Гуннвальда, сына Хроарса, тулира в Сальхауге»; он подтверждает сакральную направленность деятельности «тулиров», известных в качестве архаических хранителей сокровенного знания у скандинавов и англосаксов.

На сферу *народных суеверий* указывает надпись на древке копья из Крагехуля, которая уже упоминалась ранее. Если на одной из поднятых со дна Везера костяной рукоятке кинжала стоит слово «Хагаль», то это, без сомнения, заколдованное оружие. На камне из Вальбю написаны слова: «Против немилости». Значит, этот предмет должен был служить в качестве оберега, как, например, кольцо из Керлина и свыше 400 найденных к настоящему времени золотых и серебряных брактеатов. «Камни победы», так называемые «*Alsengemmen*» из стекла, тоже должны были защищать своего владельца и приносить ему победу.

Многочисленные мемориальные камни дают возможность узнать о *духовной жизни* германских мужчин и женщин, а также о внутрисемейных отношениях супругов между собой и родителей и детей друг к другу. Так, на уже упоминавшемся камне Главендруп написано: «Рагнхильд поставила этот камень в память Але Сольвагоде, своего мужа, храброго воина. Сыновья Але соорудили эту могилу для своего отца и жена для своего мужа, но руны для своего господина

вырезал Соте». Пример для германских *любителей спорта* дает рунический камень, найденный возле Упсалы, с изображением конной и лыжной охоты на лося.

Рис. 43. Камень победы (Alsengette)

Рис. 44. Лев из Пирея

Наконец, рунические памятники многогранно повествуют о *правовых воззрениях* своего времени. Так, один житель Ютландии выражает благодарность своему отчиму за то, что он передал ему наследственный крестьянский двор. Потрясающее свидетельство напоминания старого отца своему поздно родившемуся сыну, не забывать о мести за своего убитого брата, представляет собой камень из Рек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ход исследований рун подобен извилистой дороге в горах, поднимающийся по которой время от времени снова смотрит на один и тот же участок местности, но каждый раз с более высокой позиции. Чем выше поднималась наука о рунах и чем дальше становилась перспектива, тем яснее становилось, как верно чувствовал Мюлленхоф, когда он однажды написал: «О силе письма ни один народ не думал больше и не ставил ее выше, чем германцы».

Текст песней Старшей Эдды приводится в переводе А. Корсуна (Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975).

Эдмунд Вебер
РУНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Главный редактор *Чубарь В. В.*

Выпускающий редактор *Трофимов В. Ю.*

Научный редактор *Хлезов А. А.*

Художественный редактор *Лосев П. П.*

Корректор *Быстрова Л. А.*

Верстка *Капитоновой Е. А.*

ЛР № 065280 от 09 июля 1997 г.

Подписано в печать 04.10.2002. Формат 70 x 100 1/к

Усл. печ. л. 6,5. Гарнитура «Ньютон».

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Тираж 2000 экз. Заказ №3724

ООО «Издательская группа «Евразия»
197433, Санкт-Петербург, ул. Земледельческая, д. 3
e-mail: evrasia@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

В серии «MAGICUM»

ВЫШЛИ В СВЕТ

Франц Кюмон «Мистерии Митры»

Франсуаза Леру «Друиды»

Юрченко А. Г. «Александрийский физиолог»

Шарль Фоссе «Ассирийская магия»

Кузнецов Б. И. «Бон и маздаизм»

Гео Винденгрэн «Мани и манихейство»

Кузнецов Б. И. «Ранний буддизм и философия индуизма по тибетским источникам»

Сайрус Герцль Гордон «Забытые письма»

Исаак Комнин Себастократор «Об ипостасях зла»

Франц Кюмон «Восточные религии в римском язычестве»

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

Жорж Демюзиль «Митра и Варуна»

Тор Андре «Исламские мистики»

¹ Имеется в виду Карл Великий (768-814), ставший в 800 г. императором франков. Его правление, как и правление его потомков, сопровождал весьма ощутимый всплеск культуры, выражавшийся в синтезе германской и римской традиции, подъеме архитектуры, определенном росте образованности и появлении своего рода интеллектуальной прослойки при императорском дворе. Вошедший в историю под названием «Каролингского возрождения», этот культурный период представляет собой наиболее значительное явление раннего Средневековья на территории континентальной Европы.

² Руны действительно стали органической составляющей жизни Германии в период фашистского правления. Разумеется, они занимали существенное место в различных сферах делопроизводства, однако рекордсменом оставались войска СС, где, по непосредственному указанию их шефа, Генриха Гиммлера, применялись 14 рун старшего футарка (ровно половина общего числа его знаков), с помощью которых обозначались все основные параметры продвижения по службе и личных характеристик членов организации.

³ Следует отметить, что наряду с термином «руна» в архаических надписях для обозначения символов футарка очень часто встречается термин «stafar» — палочка, столбик. Судя по всему, на ранних этапах он использовался как адекватный эквивалент термина «руна», а, быть может, даже предшествовал ему.

⁴ Указанная Вебером восточная граница неточна. Волынь — место находки знаменитого ковельского копья с одной из самых ранних рунических надписей. Автор — умышленно или случайно — игнорирует знаменитый Березанский камень, происходящий с острова в дельте Днепра и установленный неким датским викингом в первой половине XI в. в честь своего товарища, павшего в заморском походе. Обнаруженный в 1904 г. и блестяще опубликованный и интерпретированный профессором Новороссийского университета в Одессе Ф. А. Брауном, камень этот является блестящим свидетельством оживленного перемещения варягов по Днепровско-Волховскому пути, пути «из варяг в греки». В 1997 г. на г. Опук, неподалеку от Керчи в Крыму обнаружен камень, ставший без преувеличения эпохальной находкой. Относимый к IV в. н. э. и связываемый с присутствием в Крыму готов, этот камень представляет собой единственный памятник подобного рода за пределами Скандинавии (в континентальной Европе рунические камни неизвестны). Следует упомянуть и имя «Хальвдан», выцарапанное рунами на парапете собора Св. Софии в Константинополе.

⁵ О темпах прироста фактологической базы позволяют судить следующие цифры. В настоящее время известно не менее 6100 рунических памятников, и количество находок увеличивается ежегодно. Старшерунических надписей в этом эпиграфическом фонде немногим более 270, все остальные относятся в основном к эпохе викингов или развитому Средневековью.

⁶ Обитаемые холмы — форма поселений, неразрывно связанных с формированием германцев как этнической общности. Побережье Северного моря, низменное и подвергавшееся регулярным затоплениям, во II тыс. до н.э. покрывается искусственными насыпями высотой около 4-5 м, имевшими вытянутую форму и тянувшимися обычно на несколько десятков метров. На их вершине, остававшейся незатопляемой в самые масштабные разливы, концентрировалось до нескольких десятков типичных «длинных домов», образуя небольшую деревню, обычно населенную родовым коллективом. Подобные поселения были характерны для Фрисландии, Северной Германии и Голландии вплоть до высокого Средневековья, когда местное население стало активно строить дамбы, осушая прибрежную полосу.

⁷ Под «старой Данией» подразумевается историческая территория, подчинявшаяся власти датских конунгов в эпоху викингов — не только Ютландия с островами, но и южные области современной Швеции: Сконе, Халланд, Бохуслен.

⁸ По окончании эпохи викингов, в связи с началом активного распространения христианства и латинской графики, появляются футарки, следующие латинской традиции расположения знаков, однако они представляют собой уже тупиковую ветвь отживающего футарка и являются скорее результатом вырождения этого «алфавита».

⁹ Адекватность футарка звуковому ряду не следует переоценивать. Сомнительно, чтобы древнейший германский «язык-основа» имел в своем составе меньше звуков, чем, скажем, древнеис-ландский, располагавший тремя с половиной десятками фонем. Для правильной передачи этого многообразия было недостаточно даже

старшего футарка, тем более — шестнадцатизначного (по сути — четырнадцатизначного) младшего рунического ряда. Впрочем, идеальной адекватности в письменностях, возникающих естественным образом, достичь все равно практически невозможно.

¹⁰ Англосаксонская руническая эпиграфика создала не только новые руны, но и ряд чрезвычайно оригинальных лигатур-биндерун (в частности, вызывает интерес надпись из т. н. «Островного Евангелия», хранящегося в Публичной Библиотеке в Санкт-Петербурге, опубликованная в 1998 г.).

¹¹ Младший футарк явился отражением резко возросшей мобильности цивилизации Северной Европы в середине I тыс. н. э. По меткому выражению выдающегося датского рунолога Эрика Мольтке, «скандинавский рунический ряд — это алфавит людей, находящихся в движении».

¹² Связи Скандинавии и Англии достаточно устойчивы и протяженны во времени. Они не ограничивались, разумеется, сферой христианской идеологии. В VI—VII вв. Англия фактически была составной частью единого культурного пространства Северной Европы.

¹³ Рунические календари продолжают использоваться в сельской местности среди шведских крестьян вплоть до XIX в., в том числе и за пределами Швеции — в частности, на эстонских островах Балтики, где существовали поселения шведов-колонистов.

¹⁴ Слово «художник», употребленное автором, вполне оправдано. Эстетические соображения, по-видимому, действительно играли огромную роль, так как во множестве случаев объяснить те или иные особенности рунической надписи без учёта именно художественного ее восприятия резчиком совершенно невозможно.

¹⁵ Традиционно серьёзная рунология исповедует принцип получения минимального, но наиболее надежного результата. В большинстве случаев считается вполне достаточным адекватного прочтения и интерпретации надписи, а также датировка — отнесение ее к одному из трех больших периодов рунического письма. Толкование магического смысла надписей на сегодняшний момент представляет собой хотя и любопытную, но практически неразрешимую задачу — в силу чрезвычайной скудости положительной информации о магическом значении рун и их сочетаний.